

ВІЛЬНЕ ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО КОЗАЦТВО

25 Října 1931.

Volné Kozáctvo

Ročník IV.

91

25-го октября 1931 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый

25-го жовтня 1931 р.

П Р А Н А

РІК ВИДАННЯ 4-ий

А. М. Титов

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Борис Кундрюцков: Погибшим в плавнях. (Padlým).
 2. Петр Крюков: Славься, Казакия! (Hymna).
 3. Оксана Печениг: Лицар. (Rytíř).
 4. Константин Поляков и Санжа Балыков: Первый узел. (První uzel).
 5. Алексей Персидсков: Пулеметчики. (Kulometčici).
 6. Ив. Томаревский: Казачеству. (Kozákům).
 7. С. Левченко: Гимн Козакії. (Hymna Kozákii).
 8. Сергей Маргушин: Гимн Казакии. (Hymna Kozákii).
-
9. Накануне? (Před rozhodnou chvílí).
 10. А. Ленинов: Исторические судьбы Казачества. (Historické osudy kozáctva).
 11. В. П. Елисеев: Кто виноват? (Kdo vinen?).
 12. Вл. Куртин: Пластуны. (Kozáci).
 13. И. Билый: Не клеветите! (Neklevejte!).
 14. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 15. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 16. В Казакии. (V Kozákii).

Почтовый ящик.

Редакция „В. К.“ сердечно благодарит всех сотрудников и читателей, поздравивших ее со всеказацким праздником Покрова Пресвятыя Богородицы.

Белград. — Б. К. — Получено. Привет.
Лесковац. — И. Т. — Получено. Посылаем.
Привет.
Лнон. — Т. Х. — Получено. Привет.
Родк. Р. — Н. Ш. — Пошлем. Привет.
Франция. — К. П. — Одержали. Дякуємо.
Белград. — В. К. — Получено. Привет.

Скопье. — Я. К. — Получено. Привет.
Копетору. — С. — Исполнено. Привет.
Румыния. — А. Б. — Получено. Привет.
Бухарест. — С. М. — Все получено. Привет.
Австралия. — И. К. — Получено своевременно.
Привет.
Soutice. — Ф. П. — Исполнено. Привет.
Польша. — А. К. — Получено. К сожалению приложенная фотография такая неясная, что вряд ли нам удастся сделать с нее клише. Привет.
Югославия. — И. Н. — Получено. Ответ — письмом. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.
В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.
А. А. Гейман. Заечар.
Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).
А. Чекин. Крагуевац.
П. Апостолов. Скопье.

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Str. Mocancuta, 12.
Bukarest V.
В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Georg Kozlowsky. Berlin-Friedenau, Fehler str., 6.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 50, m. 3.
Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, ul. Boguszewska 5, m. 1.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 9, rue du Chemin-Creux, Joinville le Pont (Seine).
Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; 82, av. Sidoine Apollinaire, Lyon-Vaise.
А. К. Ленинов. M-eur Lenivoff; 17, rue Katherine Favre, Monplaisir-Plaine. Lyon.
И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina; 59, rue du Marechal Joffre, Cenon (Gironde).
С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.
И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.

В БОЛГАРИИ:

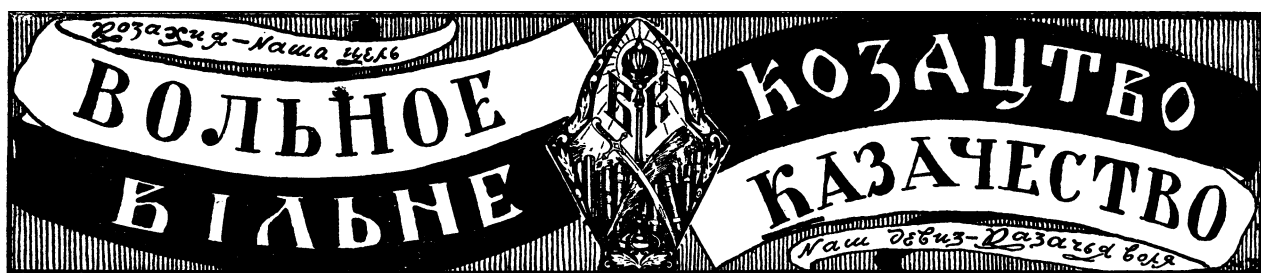
П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.
Т. Л. Ляхов. София, ул. Царь Симеон, 28.
Н. В. Аниканов. Княжево - Софийско, б. Ц. Борис, 85.
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 91

Воскресенье, 25 октября, 1931 — Неділя, 25 жовтня, 1931.

№ 91

Борис Кундюков. (Белград).

ПОГИБШИМ В ПЛАВНЯХ.

Срываю я с себя в отчаяньи одежды
И ногти в грудь в безумии вонзаю —
Закройте, братья, мне от слез больные вежды,
Смотреть на муки я Отчизны не дерзаю...
Их душат там... Там с хрипом, задыхаясь,
Винтовку уронил слабеющий боец...
Другой, закрыв лицо, и не дышать стараясь,
Лежит подмяв собой душистый чебурец...
И в муках третий, корчась и стеная,
С последним вздохом в небо посмотрел
И взор его, горя и словно заклиная,
К Престолу светлому Пречистого взлетел...
Иплыли по реке, качаясь, мерно трупы;
Ворочались, цеплялись за кусты;
Казалось, мертвецы, уставясь взором тупо,
Расжаты пытались холодные персты,
Чтоб не уплыть в бесжизненное море
От той земли, где каждый жизнь узнал,
И радость первую, и первое же горе,
И Воли сладостной всю прелесть испытал...
Перо мое дрожит, не в силах рассказать
Об ужасах, страданиях всех Отчизны...
Мне хочется рыдать, мне хочется кричать...
Нам жертва каждая бросает укоризны.
Погибшие... Казачества сыны,
Я к вам тяну свои с любовью руки...
Вы — святые, мертвецы, вам... не нужны гробы —
В них не поместятся испытанные муки...
А пламень ваших душ, такой большой и яркий,
Что гнет врагов пред ним не устоит:
Народный гнев, огонь отмщенья жаркий
Наш Край Родной потомкам воротит...

Петр Крюков. (Франция).

СЛАВЬСЯ, КАЗАКИЯ!..

(Проект гимна Казакии).

Славься на веки, Казакия Вольная!..
Славься, Дон Тихий, кормилец родной!
Славься, родная Кубань многоводная!
Славься, Яик! Славься Терек седой!
Славься на веки, Казакия Вольная!..
Славьтесь на веки вы — Реки и Степь!..
Мы за Тебя наша Родина Вольная
Гордо сомкнемся в могучую цепь!..

Оксана Печеніг. (Болгарія).

ЛИЦАР.

Під кольчугою тяжкою
В мертвім полі
Смертно-блідий їде, їде
Лицар з бою.
Наоколо скрізь поляглі —
Гори друзів.
Далі — ворог, лютий ворог
Ходить дужий.
Не розбити лезом криці —
Знає лицар —
Повертає в бік противний,
В край спочинку?
Недалеко море пінить,
Мінить води;
Бич неволі ніби чути,
Стогін болю...
І падуть, падуть на землю
Перли-сльози:
„Лицар верне, верне в поле,
Бій розгорне?..“
Ніч чоло схиляє бліде
Долу... Годі!
Безнадійносте незряча:
Лицар — в полі!..

Константин Поляков
и Санжа Балыков.

Первый узел.

I.

Славному хану калмыков и других степных орд Хо-Урлику. Донские Атаманы и казаки, Осип Петров и все Войско Донское братский привет шлют Тебе и Твоему народу.

Посылая Тебе грамоту с нашей донскою станицею, сообщаем, что азовские люди на нас, донских казаков, умышляют, крымскому и московскому царям пишут, для рати, и послов посылают, чтоб нас, донских казаков, с Дону перевести, а Дон реку от нас взять. Но мы крепко за нашу землю и Волю стоим и прочь не идем.

Памятуя нашу с Вами дружбу эти лета, донские Атаманы и казаки просят Тебя и Твой храбрый народ стать с нами за одно и поддержать честь Вашего и нашего оружия.

В знак нашей дружбы к Тебе и народу Твоему мы, донские Атаманы и казаки, посылаем Тебе с нашею донскою станицею в дар саблю в алмазах, взятую в славном морском походе у турского Пиали-паши.

Пребывая в дружбе с Тобой и с верою в скорую от Вас помощь, грамоту свою скрепляем подписями войскового Атамана и писаря и большою печатью Все-го Великого Войска Донского.

II.

Именитому Атаману Донских казаков Осипу Петрову и всему Войску Донскому от калмыцкого хана Хо-Урлика ответное извещение.

Милостями бесчисленных Богов, я, хан калмыков Хо-Урлик, потомок Чингис-Бокдо хана, есть жив и здоров, как и весь мой народ в благополучии полном здесь пребывает.

Точно также и вы, донские казаки, и вы славный атаман Осип Петров, милостями Бога своего пользуюсь, в хорошем благополучии, я думаю, там пребываете.

Ваше писание, присланное с есаулом Яковом Татариновым с казаками: Персидсков, Кундюрцов, Поляков и Турчанинов называющимися, всего пятью человеками, я, 16-го сего месяца Змея, получил.

Ваш, мне присланный подарок, турецкой стали саблю, в серебрянной оправе с камнями, от них также получил. Получив известие о вашем благополучии и подарок я весьма обрадован был.

Обо всем том, что в писании вашем сказано, я много в уме своем размышлял и, «наши и ваши внешние дела одинаковый путь имеют; мы должны друг другу помогать нелицемерно» — я решил.

От этого, мною сказанного, вы должны думать, что, как только ваши посланцы с моими людьми придут к вам, я уже начал делать то, что найду возможным по моему расчету и в смысле вашей просьбы.

Если наше это дело кончится хорошо, мы, я думаю так, должны и в будущем наши внешние дела сообща, по добрососедски решать, от чего и нам и вам хорошо будет.

Вместе с вашими посланцами я отправляю к вам своего нойона Залу-Зандана с четырьмя, его сопровождающими, мужчинами. С ними я посылаю вам, атаману Осипу Петрову, вороного, лысого, на все четыре ноги по колени белого жеребца с седлом и уздечкой, а для Всего Войска Донского 30 золотистых, четырехлетних кобылиц с золотистым, лысым, с черным ремнем по спине молодым жеребцом. Этот мой подарок пусть будет у вас началом общего войскового табуна — я так думаю.

Хан калмыков Хо-Урлик.

В год Дракона, месяца Змея 25.

В ханском хотоне писано.

III.

Бескрайний зеленый простор... Раннее, прохладное, весеннее утро... На степном холме, освещенная восходящим солнцем, стоит белоснежная походная кибитка хана Калмыцкого Хо-Урлика. Внизу, широко разбредясь по росистой долине, пасутся многочисленные кони, а ближе к кибитке, тройным кольцом окружая холм, черными кучами копошится калмыцкое войско. В свежем утреннем воздухе, заглушая трели жаворонков, слышится ржание коней и походные песни воинов. Там и сям, вознося к небу легкие дымки, горят костры.

Хан Хо-Урлик уже умыт и одет. Он в черном шелковом бешмете, расшитом по вороту и рукавам золотыми позументами, за желтым шелковым поясом висит кривая турецкая сабля в серебрянных ножнах с украшениями из драгоценных камней — подарок Донского Атамана; на голове — подбитая шелком черная бисерная шапочка-тюбетейка с большим, красным, висящим махром на макушке. Небрежно накинув на плечи черную мохнатую кавказскую бурку, сидит он на красной сафьяновой седельной подушке, набитой лебяжьим пухом, и принимает утренний доклад старшего «тушмеля» (помощника) по военным делам, наследника трона, своего старшего сына Улан-Чоно.

Хо-Урлик светлоглици; большие черные глаза под густыми черными бровями светятся умом и решительностью; прямой нос, унаследованный от матери — афганской княжны, длинные черные усы, ласточкиными крыльями распростерты в стороны, делают его лицо мужественным и привлекательным. Имя свое — Хо-Урлик (блестный красавец), впоследствии искаженное русскими историками на бессмысленные: «Хо-Орлок, Хо-Урлук, Хо-Урлюк», а кем-то даже в «Хо-Эрлек» (блестный чорт), он носит не даром. Среди тысячи смуглых лиц и приплюснутых монгольских носов, он был и бледен и красив.

Сына своего Улан-Чоно, тридцативосьмилетнего молодца, как две капли воды похожего на него, он любит, но при деловом докладе нельзя было узнать, что это говорят с глазу на глаз отец и сын. Здесь — помощник у хана с докладом по службе. Опустившись на колени в левой стороне кибитки, громко и отчетливо сын говорит:

— Хани зергесе, за ночь, кроме вчерашних пяти тысяч всадников нойона Кередского и сборной команды «кёвюдов», еще прибыли полторы тьмы (15 тысяч) войска нойонов Меркитского, Торгутского и Дербетского. Таким образом, в это утро вы располагаете двумя «тьмами» всадников. Я полагаю, что с этими силами нужно подступить к крепости, чтобы в ожидании других войск не терять время.

— Зови начальников, — отвечал молчавший хан, — а братья твои прибыли, или они еще не смогли расстаться с матерью?

— Прибыли ночью оба, и Зормек-Гарди и Менкё-Содмон, а с ними прибыли и ваши внуки, мои сыновья Шалдр-Аля и Шюкюр-Дячин. Я думал — им то еще рано, но они убежали от матери.

— А!.. Шалдр-Аля, хороший он будет мужчина, сердце у него орлиное, рука железная, голова светлая, достойный будет некогда у калмыков хан, — ласково заговорил Хо-Урлик, услышав имя своего баловня, старшего внука.

Вот затрубила у дверей ханской кибитки большая труба. То сзываются начальники тьмы. Затрубила малая труба. То сзываются начальники-тысячники. Забил барабан и затрубил рог. То сзываются к хану начальники сотен и войску калмыцкому приказывается сад-лать и строиться.

Суета пошла в войсках; поскакали в разных направлениях всадники, сгоняя лошадей и помчались сзываемые начальники всех рангов к ханской кибитке. Вот взвился над ней голубой, с золотой каймой ханский походный стяг, с белым кречетом посередине. Это начал-

ся совет начальников с ханом и никто живой не может подойти теперь на расстояние человеческого голоса.

Все начальники, именитые нойоны и прославленные в боях батыри, отвесив хану своему низкие поклоны, заняли места по известному рангу: По правую руку от хана, по левой стороне кибитки, сидят начальники тьмы и ниже от них начальники-тысячники (командиры полков). А по левую руку от хана, вдоль правой стенки кибитки, сели многие начальники сотен. Против двери, лицом к хану, вокруг очага сели чины ханского штаба: его три сына, два внука и ханский военный советник, 75-тилетний военачальник Авга-Дорджи. Царившее немое молчание прерывает первым хан.

— Посчитаны ли у каждого воины, накормлены ли они утром и вечером и напоены ли кони, проверены ли стрелы и луки, острота пик?!

— Цогар белев, хани зергесе — отвечал сидящий повыше начальник тьмы.

После этого, по знаку хана, заговорил Авга-Дорджи — Славные нойоны и храбрые батыри, вы знаете что в сердце нашей степи есть язва, окруженная высокими стенами и защищенная пушками. Из-за этих стен хищная рука русского царя тянется на нашу степь и мешает нам жить по своим законам и религии. Хан наш при своей жизни решил избавить свой народ от этой язвы. С этой целью, он заключил союз с воинственным, степным казачьим народом и стянул свое „малое войско“ под Астрахань. А посему, сегодня — приказ вам от Вашего Хана славным начальникам и всему войску калмыцкому, взять приступом Астрахань и стереть ее с лица земли.

Авга-Дорджи умел отдавать приказание. Слушающим его начальникам после его слов и в голову не могло прийти, что приказания эти могут быть неисполнены. Они все знали, что так надо сделать или умереть. И знали они, что человек решивший сделать или умереть, скорее всего сделает. Когда Авга-Дорджи кончил, заговорил сам Хан.

— Слышали вы мой приказ, переданный вам старым Авга-Дорджи?

— Слышали, хани зергесе!

— Так вот, и сделайте так. Крепость имеет не малую силу войском, у них есть ружья, пушки, они за высокими стенами, но у нас сердце чингисовых воинов, меткая стрела, острые пики. У нас должно быть желание — взять город или всем умереть, у них, наверно, нет желания — удержать город или умереть, а потому мы возьмем. Полки и сотни к атаке крепостной стены должны быть построены так: двое всадников, имея на плечах третьего человека, подсакивают к стене, а третий с их плеч, держа голую саблю в зубах, прыгает на стену, соскакивает со стены и вступает сам в бой, стараясь соединиться с другими своими товарищами. У нас нет стенобитных машин, а потому должны прибегать к этому трудному способу овладения крепостями. Я сам буду вести первые приступы, пока не возьму или умру. Если мною убавитесь, то должны слушать приказ моего старшего сына, вашего нового хана Улан-Чоно, а если не станет и его, то следующего и так дальше. Порционный скот и заводные лошади должны следовать за главным войском на расстоянии звука большой трубы, под прикрытием сотни „кёвюдов“. Я с одной тысячей меркитов и двумя тысячами кередов буду во главе. Главные силы ведет Улан-Чоно на расстоянии двух трубных звуков. Советнику Авга-Дорджи приказываю быть при моих сыновьях и, в случае моей смерти, поддерживать их военными советами, а сыновьям приказываю его советы в боевых делах слушать. Призывая духов множества Богов, идите!..

О грозной туче, что двигалась с запада на Астрахань, воевода русский еще вчера узнал и послал трех гонцов разными путями в ближайшие крепости и в Москву с просьбой о помощи. С вечера еще замер и затих город. Заперли и замкнули городские ворота, начинили картучею и наставили пушки, и залегли у бойниц стрельцы с ружьями. Воевода отдал строгий при-

каз стрельцам: биться до последнего, ибо все равно победители никому пощады не дадут, если возьмут крепость.

Ровно в полдень захмарились степь с запада пыльной тучей. Зазмеились черной лентой по дороге колоны конницы, приближаясь к Астрахани. Подошли почти на пушечный выстрел под стены города и стали калмыцкие полки на отдых, тройным кольцом обложив город. Астрахань словно вымерла. В калмыцком стане стоял шум и гам. Ржали лошади, мычали коровы, покачивая жирными горбами, ходили из полка в полк верблюды с бурдюками пресной воды для воинов; слышны были степные песни, казавшиеся русским волчьим воем. Так было до самых сумерок. Но не успело солнце на горизонте коснуться края земли, как начали строиться калмыцкие полки и понеслись с могучим „Ура“*) на стены крепости.

Там и сям, вспыхивая огнями из бойниц, зашелкали ружья, забухали пушки, но пирамиды калмыков достигли стены и бросили на нее первую партию бойцов с шашками наголо. Завязалась рукопашная. С звериными криками спрыгивали калмыки со стен и, окруженные врагами, вступали в бой. Их встречали в упор стрелецкие бердыши и пули.

Одна за одной шли под стены атакующие лавы пирамид и сбрасывали все новые и новые сотни бойцов, которые таяли в рукопашной борьбе.

Сам хан Хо-Урлик, окруженный десятком храбрецов, кося саблей направо и налево стрелецкие головы, пробирался к своим и старался собрать в единую кучу побольше своих бойцов. Но, увлеченный боем, он отделился на миг от своих и, получив в упор заряд пицали, пал.

Наступившая темнота прекратила бой. Поредевшие в рядах, без хана, со множеством заводных лошадей вернулись калмыцкие полки в свой стан. Ночью же пошел приказ по войскам, что с рассветом поведет войска в атаку новый хан Чоно-Улан.

С утра, без перерыва, до вечера повторялись атаки и длилась рукопашная. К полудню пал и новый хан; за ним, храбро сражаясь, пали и два его брата. В последней предвечерней атаке погиб принявший командование молодой хан, 20-летний внук хана Хо-Урлика Шалдр-Аля.

Таяли ряды войск, гибли тысячи храбрых воинов, бросаясь только с кривыми саблями на бердыши, пули и пушки гарнизона крепости. Несколько раз, обращаясь в притворное бегство, пробовали калмыки выманить гарнизон из крепости на открытый бой, но знал воевода свою слабость и не давался на обман. Вместо того, чтобы преследовать бегущих врагов, он приводил в порядок ряды, заряжал пушки и пицали и снова ждал атаки.

На другое утро принял командование над калмыцкими войсками 18-летний, второй внук хана, Шукур-Дячин. Раздраженный, как степной волк, он отдал строгий приказ: Идти в атаку всем войском, завалить стены своими и чужими трупами и по ним пробраться в город.

Но вступился тут старый ханский советник Авга-Дорджи. Почтительно обращаясь к молодому хану, он говорил:

— Хани зергесе, я давал советы вашему деду, имею его приказание давать их также и вам... В войне бывают удачи и неудачи. Наши воины дерутся, как волки, но перевес оружия и высокие стены спасают русских.

*) Боевой клич „Ура“, ставший впоследствии „русским“, явно взят ими у монголов. На русском языке слово это не имеет прямого, грамматического значения, кроме переносного, как боевого клича, тогда как на монгольском языке, как и на калмыцком, оно означает: Вперед! Спешите! Пример: УРду цак — будущее время. УРУлда — скажи! УРАлгн — поспешный, УРАле — поспешай! Вперед! При массовых криках монгольских воинов крики: „УРАле!“ может быть ясно слышна только первая часть — ура, что и приняли русские (без приставки повелительного наклонения — ле). Казаки же, идя в атаку, кричали — Ги!, а русские — с нами Бог — и добавляли имя царя или князя

Вы же — последний хан, прямой наследник на престол. Вас уже нечем бесспорно заменить. После вас смута пойдет в народе; он может остаться без головы. Давайте оставим атаки на стены. Обложим плотнее крепость, ни туда, ни оттуда никого выпускать не будем, трупов мертвых русских и наших там за стенами достаточно, болезни и голод начнутся там скоро. Крепость мы возьмем измором. Лазутчики доносят, что хлеба и пороха там всего дней на 10.

И началась осада города. Через неделю уже воевода повел переговоры о пропуске его войск на север и о сдаче города калмыкам.

— Сундук без золота кому он нужен? — отвечал Шукур-Дячин.

Но подплывали в это время по Волге суда с хлебом, порохом, свинцом для Астрахани и множество войска на подкрепление...

Так, своей жизнью, головами трех сыновей и внука и кровью тысячи калмыцких воинов завязал хан Хо-Урлик первый узел калмыцко-казацкой дружбы.*)

*) Сюжет этого рассказа — исторический факт. Донские казаки, убив посла Фому Кантакузена и, опасаясь нападения Москвы, послали подарки калмыцкому хану Хо-Урлику и просили его о помощи. В результате этой просьбы Хо-Урлик в 1643 году осадил Астрахань и погиб в бою с тремя сыновьями и внуком.

Алексей Персидсков. (Братислава).

ПУЛЕМЕТЧИКИ.

Впереди подсолнухи зеленые
Клонят к низу золотые рты;
Вылетают пули закаленные
И летят далеко за кусты.
На тачанке, ко всему готовые,
Молодые казаки
Сыпят пули вдаль свинцовые
В золотистые пески.
Серебристый трепет стали,
Оголенные штыки...
Вот идут из синей дали
Вентерем большевики.
Над глазами марево зеленое
Застилает белый свет...
Одна пуля раскаленная
И донца на свете нет.

Ив. Томаревский. (Болгария).

КАЗАЧЕСТВУ.

Сомкни, Казачество, ряды свои стальные,
Стань стремя к стремени за волю Казакии,
И, вспомнив прадедов седую старину,
Готовым будь и голову сложить в бою;
Готовым будь исполнить заветы —
Всему Казачеству лишь вольным быть на свете!
Потешилась Москва достаточно над нами —
Три века нашими играла головами;
Пора бы, кажется, и честь ей в этом знать,
И доброй, мирной лишь соседкой с нами стать...
Пора Казачеству найти уж путь свободы,
Какой нашли себе уж все почти народы...
Сомкни-ж, сомкни, казачество, ряды стальные,
Уж лучше смерть, чем жить без воли Казакии!

С. Левченко. (Польща).

ГИМН КОЗАКІІ.

(Проект).

Хай дзвоняць сурми... Кричать фанфари...
Нехай почує нас цілий світ!
Дітей степів не ділять вже чвари —
За волю встали, як моноліт...
Від нині волі ми всі — синами!
Тремтить хай Північ — народів кат!
Вже не замовкне наш гімн степами!
Вже не спіткнеться кінь козака!
Гей, ніколи, ніколи козак
Вже не стане тиранам служити;
Не надіне кайданів назад —
Буде вільним вмірати і жити!

Степ — наша мати, а батько — вітер,
А гасло — „Воля“ — на прапорах.
Мы — Козакії з'єднані діти
І кожен вмере за свій Рідний Край!..
Вся Козакія свавільно вийде
Найзд спинити з'єднана вщерть;
І степ побачить герць Леоніда:
Або побіда, або хай смерть!
Гей, ніколи, ніколи козак
Вже не стане тиранам служити;
Не надіне кайданів назад —
Буде вільним вмірати і жити.

Нас сила грізна: нас мільйони —
З понад Карпатів аж по Урал.
Ми крила зняли — упали трони...
І зніс кайдани степовий вал...
Брати та сестри — Кубань, Україна,
Урал, і Дон, і Терек теж, —
Нехай живуть! А ворог — згине:
Бо воля наша не має меж!..
Гей, ніколи, ніколи козак
Вже не стане тиранам служити;
Не надіне кайданів назад —
Буде вільним вмірати і жити!..

Хай трелять сурми і б'ють літаври:
Навік неволі минула ніч!..
В нас на прапорах — єднання барви
І Козакія — це стара Січ!
І хай проквітнуть Кубань, Україна,
Урал, і Дон, і Терек теж, —
В козацькій вільній міцній родині
І хай не буде між нами меж!
Гей, ніколи, ніколи козак
Вже не стане тиранам служити;
Не надіне кайданів назад —
Буде вільним вмірати і жити!

Сергей Маргушин. (Румыния).

ГИМН КАЗАКИИ.

(Проект).

Вознесем мы Богу молитву;
Восстанем за правду в степях
И смело пойдем мы на битву
За казачий народный наш стяг!
За Волгу, Урал и за горы,
За Терек, Кубань и за Дон,
За наши степные просторы
Пойдем мы бороться с врагом!

Вознесем же мы Богу молитву;
Восстанем за правду в степях
И смело пойдем мы на битву
За синь-малиново-желтый наш стяг!

На границе степей и в горах
За Родину твердо мы станем.
Мир знает о нас, казаках, —
Мы Волю всегда защищаем.
За Казакию — нашу Отчизну —
Пойдем на решительный бой;
На курганах отпразднуем тризну
Сраженным за Край наш родной.

Н а к а н у н е ?

Экономический кризис, переживаемый всем светом, пленял воображение большевических властителей Москвы. Советские газеты были полны восторга и окрыленных надежд. Коммунистические мечтания построены были на таких логических предпосылках. В мире, мол, сосуществуют два метода экономической и государственной организации человечества: один — капиталистический, другой — социалистический. Первый из них поражен на смерть великою войною, от последствий которой он не оправился донныне и оправиться не в силах. Он обречен, и настоящий кризис является предвестием его окончательной гибели. Второй — социалистический — порожден войною в недрах капиталистического строя, как его антитезис и необходимый наследник. Всеобщий крах бросит народы и государства в объятия социализма, советская система овладеет миром, и для человечества откроется новая эра социалистического благополучия, подготовленного и утвержденного Москвою уже теперь на пространстве всего востока Европы и в части Азии.

Эта идея лежала и в основе пресловутой пятилетки, задуманной Сталиным с товарищами и выполнявшейся на протяжении последнего времени с предельным напряжением всех народных и государственных сил, находящихся в распоряжении Московского коммунистического центра. По мысли большевиков, СССР, как государство, для того, чтобы в предстоящей борьбе стала возможной его полная победа над капиталистическим противником, должно иметь средства и возможности производить у себя дома все, что необходимо, — во вне — для борьбы, внутри — для существования, — прервавши всякую зависимость от внешнего мира, материальную, моральную и интеллектуальную.

Заданием большевиков было — создать из СССР целостное, самодовлеющее социалистическое тело, которое, как огромный разрушительный снаряд, можно было бы бросить на капи-

талистический мир с полной надеждой на его преодоление. И необходимо признать, что своей цели Москва до известной степени достигла. На просторах советского Союза в разных местах построены гигантские индустриальные комбинаты, снабженные усовершенствованными машинами и комплектом рабочих, прикрепленных к определенному обязательному труду. Социалистический метод подневольного пролетарского труда распространен и на сельское хозяйство, где индивидуальное начало в огромной массе вытеснено коммунистической практикой совхозов и колхозов. То же явление наблюдается и в области школы и интеллектуального творчества, ибо прежняя индивидуальная система воспитания и образования большевиками радикально разрушена и заменена новой, основанной на принципах все того же марксизма.

Во всех этих областях Москвою сделано многое, но сделано плохо, без достаточной подготовки и на спех, а главное — не доведено до конца, — для этого строителям нового мира не хватало ни соответствующих знаний, ни средств, ни времени, ни, наконец, соответствующего людского материала, который весь корнями своими уходил в прежний капиталистический мир и нового, социалистического, пока не ощущает. Единственное, что более или менее большевикам удалось, это — организация армии и ее снабжение. Произошло это потому, что в военной отрасли пятилетки работали не коммунистические вожди или выдвиженцы, а подлинные специалисты, — главным образом, немецкие промышленники, немецкие инженеры и офицеры германского генерального штаба. Каков в действительности дух красной армии и как она будет сражаться, — это вопрос особый, но оборудована она, по общему отзыву, более или менее по правилам современной военной техники.

Все предприятие пятилетки требовало для своего осуществления много средств, — миллиарды денег. Часть этих денег большевики нашли

у себя, ограбивши, раздевши до гола, обрекши на голод подвластное им население, главным образом, „окраинное“. Но этого им было, конечно, мало, и недостающие они нашли в Европе и в Америке, — как это ни странно на первый взгляд, — у своих органических врагов, капиталистов. Помогли им в этом, с одной стороны, международные несогласия и политический междугосударственный разноречивый, а с другой — алчность отдельных финансовых групп и всеобщее европейское легкомыслие по отношению к возможной большевицкой опасности.

Наибольший источник средств обрели большевики в Германии. Уже в начале 1926 г. получили они там кредитов на сумму в 350 миллионов золотых марок; несколько позже дано было им еще 200 миллионов, а в апреле нынешнего года, — буквально накануне своего финансового банкротства, — немцы умудрились предоставить большевикам еще дополнительно 300 миллионов. Если к этому прибавить разного рода частные и банковые кредиты, то вся сумма задолженности Советов в Германии несколько превысит миллиард золотых марок. Все эти деньги ушли на пятилетку и, главным образом, на военную ее отрасль, работающую в СССР повидимому не только для Москвы, но и для германской армии. Это последнее обстоятельство между прочим весьма примечательно для определения целей и задач германской международной политики.

По стопам великой Германии пошла маленькая Австрия, — собственно говоря, даже не Австрия, а ее столичный муниципалитет, во главе которого стоят австрийские социалисты, уже в 1927 году уделивший большевикам кредиты на сумму в 15 миллионов долларов. За Австрией последовала Норвегия, предоставившая Москве 20 миллионов своих крон, а за ней и другие скандинавские страны, рискнувшие, правда, меньшими суммами. Из великих государств следует отметить Италию, доверившуюся Москве в 1930 году на 350 миллионов лир; Англию, социалистическое правительство которой предоставило большевикам за два года несколько миллионов золотых фунтов, и Америку, банки которой кредитовали Москву около 65 миллионами долларов.

Все эти цифры, вместе взятые, указывают на то, что большевицкая задолженность за границей должна быть определена суммой, превышающей полтора миллиарда золотых марок. Пока мировая экономическая жизнь шла более или менее нормально, большевики не встречали особых затруднений при переучете своих векселей, — все дело сводилось к надбавке учетного процента. Большевики же так хорошо понимали свое положение, что эта надбавка, — говоря терминами европейских биржевых спекулянтов, — „за русский риск“ дошла до 30% цены товарного векселя, как об этом свидетельствуют сами же советские источники. Так или иначе, но векселя переучитывались, а разницу Москва покрывала, добывая валюту бросовой торговлей (демпингом), распродавая ниже себе-

стоимости нефть, хлеб, дерево и разного рода мелкие мануфактурные товары по всему свету.

Советская пляска миллионов продолжалась вплоть до того времени, пока на Европу не обрушился финансовый кризис. Тогда она мгновенно прекратилась. Началось это все в той же Германии, которая летом этого года оказалась перед невозможностью переучесть у себя дома советские векселя на сумму свыше полу-миллиарда марок. Как добрые союзники, немцы пытались составить большевицким обязательствам финансовую протекцию, предлагая упомянутые векселя парижскому, лондонскому и нью-йоркскому рынкам и даже Базельскому международному банку, основанному Антантою исключительно для учета и распределения военных и репарационных долгов. Все они от этих рискованных операций отказались и что случилось с этими векселями далее, — неизвестно и поныне.

Аналогичная история с советскими векселями повторилась почти во всех странах, кредитовавших московский Внешторг. Все они отказываются переучитывать старые обязательства и подписывать новые, а требуют от большевиков уплаты наличными деньгами. Но особенно тяжело отразилось на делах Внешторга прекращение обмена на золото английского фунта стерлингов и падение его стоимости. Произошло это потому, что, по условиям международного рынка, свои получения большевики вынуждены принимать в неполноценных фунтах, а обязательства должны оплачивать полноценными валютами, главным образом, долларами. К 30% надбавки „за русский риск“ прибавилось еще таким образом 20% надбавки за падение фунта. А разницы пополнять теперь уже нечем, ибо затишье международного рынка таково, что даже низкие до смешного цены на большевицкие товары не соблазняют заграничных покупателей.

Большевицкий пассив на международном рынке определяется на 1 января 1932 года приблизительно в $1\frac{1}{2}$ -2 миллиарда золотых марок. А на его покрытие они имеют золотом и девидами едва ли более ста миллионов золотых рублей. Понимая свое положение, Советы уже было заговорили о мораториуме, на что им справедливо ответили, что когда о мораториуме говорит не кредитор, а должник, то это означает не мораториум, а простое банкротство.

Кто может помочь большевикам в их далеко не легком положении? На международном горизонте таких сил не видно. Германию спасли и спасают от возможного окончательного банкротства все капиталистические страны, в том числе и враждебные ей политически, потому, что они кровно с ней связаны и ее падение поставило бы всех перед опасностью подобной же участи. В экономической судьбе Германии заинтересован весь мир, в судьбе СССР — не заинтересован никто, — по крайней мере экономически. Для доказательства достаточно привести хоть бы один такой многоговорящий факт. Как ни кричат большевики о своем дем-

пинге и пятилетке, доля СССР в мировой торговле определяется ничтожной цифрой в 1,1⁰/о всего оборота. Если этот один процент выпадет из общего международного баланса, то такой своей потери остальной мир может и не заметить.

Такова цена социалистической планетарной экономики Москвы на международном рынке.

Надежды большевиков, связанные с экономическим кризисом капиталистического мира обрушились прежде всего на их голову и на их социалистическое строительство. Крах московского Внешторга за границей обозначит не только падение политического значения СССР во

вне, но может повлечь за собою внутри решительный срыв пятилетки во всех ее разветвлениях, а вместе с тем и падение всех связанных с нею иллюзий и всех мечтаний о планетарном будущем. Стенет таким образом вопрос не об интересах и надеждах каких то лишенцев, кулаков или интеллигентских „прихвостней буржуазии“, а о комсомоле, о выдвиженцах, о самом массиве правящей коммунистической партии. Внутренние политические последствия краха Внешторга необозримы, ибо история и действительность нас учат, что экономическое банкротство обычно влечет за собою и банкротство политическое...

А. Ленивов.

Исторические судьбы Казачества.

(Доклад, прочитанный в Париже 16 августа).

III.

(Окончание).

Отошла в вечность истории эпоха Великой войны 1914—1918 г. г. и ныне лишь разыгрывающийся социально-политический кризис, параллельно с экономическим, указывает на то, что еще сравнительно недавно на полях Европы гремели пушки, лилась кровь...

Каковы результаты Великой войны в социально-политическом отношении?

Крушение великих империй мира! Решение проблемы малых народов!.. На глазах нас, современников, рухнули и развалились следующие империи — Австро-Венгерская, Российская, Турецкая.

Проблема малых народов, право малых наций и народов на самостоятельное существование, провозглашенный президентом Вудро Вильсоном, т. н. „принцип самоопределения народов“ может-ли он считаться вполне разрешенным в ныне истекающем 1931 году, иначе говоря, спустя 12 лет после его обнародования?.. Нет, не может считаться разрешенным... Только в прошлом, 1930 г., „Вольное Казачество“ обратилось в Лигу Наций с протестом в коем пишет:

„Культурный мир недостаточно знал и знает о существовании на Востоке Европы Казачества — этого отдельного народа, наряду с другими славянскими народами — украинским, белорусским и великорусским. Этим незнанием, быть может, до некоторой степени и объясняется равнодушие культурного мира к той страшной трагедии, которая сейчас разыгрывается в наших Родных Краях под деспотической властью красной Москвы“.

... „На глазах всего культурного мира разыгрывается еще один акт страшной трагедии славного, рыцарского, славянского племени — Казачества, исторического поборника свободы, равенства и братства“.

„Мы никого не просим идти бороться за наши интересы. За свою свободу, за свою государственную самостоятельность мы будем бороться сами, но мы, казаки эмигранты, живущие в свободных условиях культурной Европы, имеющие возможность свободно высказывать свои мысли, поднимаем ныне свой голос для категорического протеста против уничтожения наших братьев перед Лигою Наций — перед тем высоким учреждением, которое является высшим достижением нашей эпохи и которое призвано всячески способствовать осуществлению великого принципа XX столетия — самоопределения народов — и защищать и справедливо разрешать вопросы международных взаимоотношений, и которое ничего еще не сделало для того, чтобы хотя в какой-либо форме выступить для смягчения бесчеловечного политического, экономического и социального режима красной Москвы над покоренными ею, но несчастными народами“.

Базируясь на приведенном, мы казаки-самостийники заявляем, что принцип самоопределения народов полностью не разрешен...

Совершенно ясным представляется то, что только те малые народы получили государственную самостоятельность, кто сам ее сумел „взять“ и только потом — *post factum*, уже заставить мир считаться с свершившимся.

Процесс самоопределения народов в указанный период времени (1917—1918 г. г.) захватил и Казачество, которое и образовало ряд казачьих государств-республик. Что послужило причиной их скорой „гибели“? Ответ: внешние и внутренние причины определенного порядка. В подобного рода суждениях прежде всего необходимо брать во внимание степень государственно-политической подготовки, как в смысле формы, так и в смысле догмы. Закрывать глаз сейчас нечего, — такой подготовки у Казачества тогда еще не было. Дело казачьей государственности потерпело фиаско, в частности еще и потому, что казачество действовало разрозненно.

Неодинакова судьба народов б. Р. Империи: Польша, Финляндия, Латвия, Эстония, Литва самоопределились, отделились от России и с оружием в руках защитили право на государственную самостоятельность, между тем как: Украина, Грузия, Азербейджан, Горские народы Кавказа, Казачьи государства — принуждены были капитулировать перед красной Москвой.

„Национальное самоопределение завершается государственной самостоятельностью“ — формула, которая отсутствовала в политической программе Казачества, образовавшего в период 1917—1920 г. г. свои самостоятельные государственные образования. Читаем — „Основные Законы Всевеликого Войска Донского“ (принятые Большим Войсковым Кругом В. В. Д. в день 15-го сентября 1918 года), раздел V, глава IX.

§ 46. Донской флаг, ныне уже существующий, состоит из трех продольных полос равной ширины: синей, желтой и алой, означающих национальные цвета издревле живущих на Донской земле трех народностей: Донских казаков, калмыков и русских крестьян.

Ясно и точно сказано — „народностей“. Понимать ли это слово в значении: народ, нация... или нет?..

„Имперская граница имеет линии, рожденные случайностями побед и поражений. На западе она прошла по живому телу народов: литовцев, поляков, украинцев, молдаван; закавказская и сибирская границы дают ту же картину пограничных народностей, частью вошедших в состав Российской империи, частью остающихся под властью иных государств. Имперская территория представляет собой комплекс земель, центральное ядро которых принадлежит главенствующему племени великорусскому, причем тесным кольцом вокруг ядра лежат окраины, большие и меньшие, родственные и враждебные, европейские и азиатские, одноплеменные и пестрые по своему составу, связанные с ядром и между

собой фактом общеимперского подданства и лишь в незначительной степени общностью исторических судеб и завязавшегося в последние десятилетия еще слабого обще-экономического оборота...»*)

Казачество восстановив в полной мере все т. н. „Казачьи вольности“, пройдя моменты автономии, федерации, отбросив в сторону (не восприняв) „октябрьской революции“, стало на путь государственно-политического устройства, создав ряд независимых казачьих государств. Что же это была за причина, которая сыграла решающую роль в том, что Казачество не смогло отстоять своей самостоятельности?

Иначе вряд ли и могло быть, ибо Казачество того времени (1917—1920 г. г.) представляло собой в государственно-политическом смысле слова „негосударственную нацию“, освободительные стремления коей не были достаточно совершенны!

„Каждая нация — одно государство, каждое государство — одно национальное существо“ — поучает Блюнчли. Существовало ли подобное положение у Казачества, как логическое завершение этапов государственно-политического устройства?.. Нет, этого не было, понятие „нация“ уступало понятию „государство“, было Донское государство — Всевеликое Войско Донское, были Донские казаки, но последнее не в смысле „нация“, а всего лишь „народность“... Это положение касается и всех остальных казачьих Войск.

Действительно и Юго-Восточный Союз, и Доно-Кавказский Союз и т. д. если и были конфедерацией (союзом государств), то отнюдь еще не в понятии нации — а л о н а л ь н о г о государства, не в понятии Казакии...

Казачество — народ, имеющий территорию, свои географические границы, историю, поэзию, этнические особенности, языковые разновидности, может рассчитывать на самостоятельное независимое существование, лишь тогда, когда все значение национального вопроса будет воспринято казачьим народным сознанием так, как оно должно восприниматься. И Казачество строя, создавая свое самостоятельное государство — Казакию, должно быть н а ц и е й в государственно-политическом смысле слова.

Много лет тому назад Казачество было вольным, свободным, независимым ни от кого; потом наступил период поражения, когда слово „казачий народ“ искусственно было заменено понятием „казачье сословие“. Несмотря на все ухищрения русских государственных мужей, казачья национальная (самостийная) мысль не была задавлена, но пребывала так сказать в скрытом состоянии. С течением времени формула: „здравствуй царь-батюшка в кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону“, заменилась до поры, до времени формулой: „живи казак, пока Москва не узнала“. Тем не менее нарастал ряд борцов за самостоятельность Казачества, именно: Донской Атаман Самойло Лаврентьев, старшины Кирилл (Матвеевич) Чюрнов, Кузьма Косой, Петр Мурзенко, Донской Атаман Кондратий Булавин, старшина Игнат Некрасов, Запорожский Кошевой Атаман Кость Гордиенко-Головки и др.

В тяжелое время „Петербургского периода“ Казачество выделяет из своей среды ряд убежденных казаков сепаратистов (самостийников): Запорожский Кошевой Кальнишевский, Донской Атаман Степан Ефремов, полковник М. И. Платов, полк. Грузинов, и др. И, наконец, когда в 1917 году, Казачество обрело снова право свободного бытия, появились вновь борцы-великаны за „Вольность Казачью“, право самостоятельного государственного существования. На заре казачьего освободительного движения, на грани 1917-1918 г. г. явились первые отряды „Вольных Казаков“ — Походного Атамана ген. Попова на Дону, Кондрата Бардижа на Кубани, и, что особенно показательно, как раз в тот момент, когда казачьи области, „автономные провинции“ Российской республики шли под натиском большевиков... инстинкт самосохранения подсказал, что надо делать, именно, что „судьба Казачества — в руках самого Казачества“. Появились самостоятельные казачьи государственные образования.

*) Формы национального движения в современных государствах. СПб. 1910. стр. 283.

„Из Основных Законов Всевеликого Войска Донского.

Часть Общая.

Раздел I. — глава I.

1) Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное Государство, основанное на началах народоправства.

2) Верховная и Законодательная власть в пределах Войска Донского принадлежит Войсковому Кругу.

3) Высшая исполнительная власть во Всевеликом Войске Донском принадлежит Донскому Атаману.

4) Судебная власть во Всевеликом Войске Донском принадлежит Судебным установлениям и лицам осуществляющим ее именем закона.“

„Из Кубанской Конституции.

Раздел III. Источник и органы Высшей Власти.

9) Источником Высшей Власти в Кубанском Крае является воля его граждан выражаемая на представительных собраниях.

Носителями Законодательной Власти в Кубанском Крае являются Краевая и Законодательная Рада, а носителями исполнительной власти — Войсковой Атаман и Кубанское Краевое Правительство.

Судебная власть осуществляется независимыми судами, действующими на основаниях, в законе определенных. Судебные решения и приговоры выносятся именем закона.“

Период освободительной борьбы, ведшейся казаками за очищение своих краев от большевиков, — как понимается он представителями воли Казачества в лице Войсковых Кругов, Рад?.. Припомним:

Войсковой Круг В. В. Д. „в воздаяние воинской доблести и отмененного мужества в боях и понесенных беспримерных трудов и лишений во время Степного Похода“ установил для участников Степного Похода нагрудный знак: черный (могильный) крест на георгиевской ленте. На оборотной стороне выбиты две даты: 12/II и 5/V, начало и окончание Степного Похода.

Политическая история В. В. Д. говорит: „Степной Поход был героическим актом группы Донских патриотов...“, относительно коих (патриотов) ген. Деникин пишет так: „Послано было предложение Походному Атаману Попову присоединиться к Добровольческой армии. Через два три дня он ответил отказом. Попов объяснял, что, считаясь с настроением своих войск и начальников, он не мог покинуть родного Дона, и решил в его степях выждать пробуждения казачества. Про него же говорили, что честолюбие удержало его от подчинения Корнилову. Для нас Дон был только частью русской территории, для них понятие „родины“ раздваивалось на составные элементы“. Освобождение Кубани было отмечено Кубанской Краевой Радой в виде создания особого ордена „Знака Спасения Кубани“, которым и были награждаемы все, принимавшие участие в освобождении Кубани из под ига „красных пришельцев“. Аналогичное явление имело место и в Уральском Войске: Войсковой С'езд установил орден в честь покровителя Войска Архистратига Михаила, на коем и были начертаны слова: „За Веру, Родину, Яик и Свободу“, коим и награждались все отличившиеся в борьбе против большевиков офицеры и казаки.

Один из известных философов нашего времени, проф. Т. Масарик (президент Чехословацкой республики) — говорит: „Национальный вопрос является в то же время социальным вопросом. Когда один народ поработен другим, тогда политический гнет равнозначен дешевой рабочей силе для господствующей нации“. И действительно, чем собственно было Казачество для России, как не дешевой рабочей силой, политически обезличенной: какие только опыты, эксперименты, не происходили, не были производимы над живым телом Казачества...

На всем протяжении пребывания Казачества в составе Российского государства становился на разрешение — казачий вопрос. Иначе и быть не могло, ибо если в наше время пребывания за-границей ген. от кав. Драгомиров (быв. предс. Особого Совещания при ген. Деникине) говорит „с казачьим вопросом необходимо раз и навсегда покончить“ то следует помнить, что Казачьи Войска в дни своего пребывания в составе Рос-

сии, подчинялись Главному Управлению Казачьих Войск, которое было обязано провести „возможно прочное подчинение казачьего населения центральной власти“, „упразднение внутреннего самоуправления Казачества“*) т. е. пресечь в корне казачье самосознание, низвести на нет личность казака и, освоив его, держать крепко в „ежовых рукавицах“ в качестве отличного пушечного мяса. Соразмерно этому, Казачество, производя в настоящее время „переоценку ценностей“, должно отлично знать, что полный расцвет всех духовных и материальных сил казачьего народа, возможен только тогда, когда народ политически свободен и государственно самостоятелен, а это возможно лишь тогда, когда роль начинает играть национальный фактор, т. е. если Казачество есть национальность; оно и должно быть таковым.

У Казачества, как такового, имеются и этнические, и исторические обоснования на право самостоятельного политически-независимого бытия; ярко выражается у него сознание жить в единстве под одним и теми же законами, определяется стремление образовать одно государство. Что нужно иметь для проведения указываемых положений в жизнь? — только волю, твердую волю, настойчивую волю, наличие коей и является залогом полного успеха.

Кто мы, что мы? — в этом мы ясно отдаем себе отчет: мы казаки. С таким-же полным сознанием, мы должны сознать и то, что все свои силы и свои средства, мы обязаны отдать для достижения своих целей — именно, блага, единства, процветания Казачества.

Мы казаки боролись в прошлом за чужие нам интересы в ущерб нашим кровным, казачьим интересам, теперь же мы должны бороться только за свои интересы, казачьи интересы.

„Пригребай к своему берегу“ — лозунг нынешнего момента для Казачества.

Коротко и ясно, в немногих словах простой казак изложил сущность Казачьей программы еще в 1918 году... „Пригребай к своему берегу“ говорит от 1927 года и Вольное Казачество.

Цель у нас казаков-самостийников — одна, именно благо своего народа, своей Земли, прежде всего и выше всего. „Лучше нам погибнуть за казачьи щепки, чем за азовские камни“**) — говорили в старину казаки на Дону; повторяя оное и в наши дни, мы — вольные казаки — напоминаем:

„Никто нам жизни не устроит, если мы сами ее не устроим“. Первой на очереди, главной по существу — задачей, является — освобождение всех Казачьих Земель от Дона до Яика и Оренбурга, а также и степных народов, живущих в этой полосе, из под власти РСФСР и СССР.

Напомним, что „в предстоящей освободительной борьбе, все равно какими-бы средствами она ни велась, сила Казачества будет зависеть от степени его политической организованности“***). Вторым по очереди решением — основным вопросом, является создание Казачьей Державы — К а з а к и и, Казачьего государства, самостоятельного и ни от кого независимого.

Установление принципов равенства основных национальностей Казачьих Земель в области национального и культурного развития — третий очередной момент программы Вольного Казачества. Казачьи интересы — прежде всего, казачье единство — выше всего, один за всех, все за одного...

Закон истории неумолим — „в единении сила, в разединении гибель“ и пред лицом развития грозных событий там, на родине — в Казакии, все казаки-эмигранты должны сплотиться и идти объединенным фронтом, памятуя, что о Казачестве никто не будет заботиться, кроме самих казаков.

Колесо истории вертится — назревают события, когда быть может и дальнейшая судьба Казачества, за-

кабаленного ныне, не только может, но и должна решиться в положительном смысле, мы, казаки, должны готовиться к этому моменту, зная, что „ничто не преждевременно, если все идет по духу времени“.

Революция 1917 года выдвинула на сцену вопрос бытия Казачества, покончив раз навсегда с сословно-служебной ролью, навязанной Казачеству императорской Россией... на смену коей пришла новая Россия — республиканская!..

Что дала эта Россия — Казачеству?..

Вспомним: середина августа 1917 года, Московское Государственное совещание, речь Атамана Каледина — представителя 12-ти Казачьих Войск:

„... Казачество, не знавшее крепостного права, искони свободное и независимое, пользовавшееся и раньше широким самоопределением, всегда осуществлявшее в среде своей равенство и братство, не опынело от свободы. Получив ее, вновь вернув то, что было отнято царями, Казачество, крепкое здравым смыслом своим, проникнутое здоровым государственным началом, спокойно, с достоинством приняло свободу и сразу воплотило ее в жизнь, создав в первые же дни революции демократически-избранные Войсковые Правительства и сочетав свободу с порядком“...

Проходит две недели и Атаман Каледин объявляет Временным Правительством как изменил государству Российскому, от Войска Донского требуется выдача Каледина на суд в Петербург, против Дона мобилизуется Московский и Казанский военные округа, полк, Верховский ком. войсками Московского военного округа приказывает уничтожать на месте все казачьи части везжающие по железной дороге на территорию вверенного ему округа...

О большевицкой России говорить не приходится, слишком очевидно ее отношение к Казачеству „Казачество должно быть уничтожено, раз и навсегда“. То же самое провозглашает здесь за-границей представитель эмигрантской России ген. Драгомиров, который говорит: „казачьего вопроса нет, с ним надо покончить раз и навсегда“.

Каково будущее Казачества, возможно-ли его существование, возможно-ли его возрождение?.. Логика развития исторических событий говорит: существование Казачества возможно, если... Что: если?

Существует древне-ирландская легенда, говорящая о том, что незадолго до своей смерти, святой Патрик, апостол Ирландии, молился так на „горе Ангелов“ за свой ирландский народ: „Господи, освободи Ирландию от иноземного ига. Помоги ей остаться навсегда свободной, независимой страной“...

Прошло много сотен лет и только в 1921 г. ирландский народ стал свободным. Ирландия стала свободным государством.

Будущее Казачества зависит от самого Казачества. Будущее Казачества должно представляться в следующей „перспективе“:

1. Казачество не может быть ни сословием, ни кастой, ни группой населения, ни даже народностью. История Казачества требует от современных казаков — быть казаками, стремиться сохранить свое казачье я, свое казачье лицо, что возможно только тогда, когда Казачество определит себя, как национальность, которая „... есть человеческая группа, члены которой, по основаниям этническим или просто историческим, хотя жить под одними и теми-же законами, образовывать одно государство“ (Дюркгейм).

2. Населяя искони казачьи земли в Европе составляющие неразрывное географическое целое, превосходя по своей территории почти вдвое самые крупные государства Европы — Францию, Испанию, Германию, втрое больше Англии, Италии, Румынии и т. д. и имея в далеком прошлом на тех-же самых местах самостоятельное государство — К а з а х и ю (Казакию), по своему географическому положению вполне отвечающему будущему государству — К а з а к и и, Казачество должно твердо и неуклонно стремиться к тому, чтобы было восстановлено в полной мере не только географическое единство Казачьих Земель, нарушенное бедствиями, но также земельно-территориальный ущерб в смысле географическом, понесенный Казачеством в дни

*) Столетие Военного Министерства т. XI. ч. I. СПб. 1902 г.

**) Постановление Войскового Круга Главного Войска в 1641 году.

***) Журн. „Вольное Казачество“ № 13, 10-VI-1928 г.

царской подоплеки, именно обратное присоединение к Казачьим Землям — территорий определенных уездов Воронежской, Саратовской, Ставропольской и Черноморской губерний, — искони Казачьих Земель.

3. Казачество, представляя из себя разные группы в этническом отношении (Степное Казачество, Черноморцы, казаки-калмыки, казаки-осетины), имеет достаточно элементов объединения как между собою, так и с коренным иногородним населением, проживающим в Казачьих Краях издавна.

4. Казачество может и сумеет быть экономически — независимым государством. Экономическая самостоятельность народа, обуславливается наличием трех основных факторов: человек, капитал, природа, — элементы у нас имеющиеся.

5. Казачество может и должно создать единое, независимое казачье государство — Казакию, как союз (федерацию) казачьих республик. Гарантия политической независимости Казачества зиждется в федеративном союзе Казачьих Земель, который обеспечивает дальнейшее культурное, экономическое и бытовое развитие Казачества.

Спасение и будущее Казачества — в собствен-

ной государственности, в общеказачьей федерации, в создании свободного казачьего государства — Казакии.

С декабря 1927 года начало шириться и развиваться казачье самостоятельное движение. Вещим голосом зовет Вольное Казачество в свои ряды всех тех, кто стремится защищать свою волю, кто хочет бороться за свое право, кто жаждет сохранить свою свободу, кто дерзает мыслить о создании самостоятельного казачьего государства — Казакии!..

Прошло четыре года, многое изменилось, многие изменились; мы, казаки-самостийники, подходим к Рубикону с чистой совестью и сознанием выполняемого долга, ибо дело „Вольного Казачества“ стало делом самого Казачества.

Вперед-же к цели, без страха и сомнений!

„Воля, слава, честь Отчизны —

Вот девиз наш боевой!

За Казакию родную

Каждый смело иди в бой!

Пусть весь мир на нас восстанет;

Пусть цепями нам грозит —

Наш народ за Край свой станет;

Иль умрет, иль победит!..“

В. П. Елисеев (В. Петров).

Кто виноват?

(Продолжение).

Иван еще заплетал ногами, но уже был на комиссии. Идя домой из станицы, Иван под аккомпанимент несмолкавшего оружейного гула, что вылетал из Раздор на эту сторону Дона, вспомнил, шагая по высохшему и уже зазеленевшему прогону, как, бывало, по этой самой дороге и по такому же зеленому прогону, он не раз с отцом возил нагруженные зерном возы в станицу. Езда в станицу для Ивана была целым событием — радостью, праздником. Как весело на душе становилось Ивану, когда, поднявшись только на Мостовую горку, он уже видел, как на ладони, высокие синие столбы весов, с их блестящими на солнце белыми верхушками. Громадные деревянные амбары, с красными и зелеными крышами, не только радовали и умиляли Ивана, но и вызывали у него какую-то гордость. Как будто бы эти амбары были его, Ивановой собственностью (так, по крайней мере, чувствовало сердце Ивана). И Иван не зря восторгался и гордился амбарами своей станицы! Станица была не окружная, а по хлебной ссыпке считалась первой в округе. Даже богатые калмыки, и те везли из своих Сальских степей хлеб в Иванову станицу...

Идет Иван по прогону и вспоминает... Приедет, бывало, с отцом в станицу, ссыпят хлеб и — по всегданнему заведению — пойдут обедать в Слизкову харчевню. После обеда отец пойдет по лавкам — скупаться, а Иван, получив обязательный при приезде в станицу фунт „алвы“, выйдет к Дону, станет на его крутом берегу и смотрит — любитесь... Пароходами (пассажирские с белой трубой, а буксирные с черной); громадными баржами нагруженными и нагружаемыми; разгружаемыми здесь и плывущими дальше плотами; настроенными по всему берегу желобами, по которым хлеб прямо с весов сыпится в баржи; легкими с забавными названиями „яликами“. Стоит и смотрит на Дон, пока отец, не скупившись, не заставит его запрягать — ехать домой, в хутор...

— А теперь? — думает Иван... Теперь весы повалены, амбары пустые, про „ялики“ и говорить нечего и в станице чужие люди.

Только одно и заметил Иван. Это высокие мутные волны, которые, пенясь, судорожно бились о пустынные свои берега. Захлебываясь белой пеной и жадно глатая подмокшие пласты крутого берега, оне, казалось, силились выплеснуться, выйти из своего русла и загудеть по станице и ее хуторам, где теперь хозяйничают чужие люди. Долго Иван смотрел на эти сердитые волны. Уж слишком страшно „играл“ Дон...

Вот что теперь... Теперь и отца нет у Ивана. И

теперь Иван шагает по пустынному полю один... Заморгали глаза Ивана от закапавших слез и, споткнувшись о придорожную кочку, он чуть не повалился на землю. А потом почему-то сразу закружилось в голове, и перед глазами повисла синяя сетка. Такая сетка закрывала от Ивана свет, когда он лежал в тифу...

— Уж не очередной ли приступ? — испугался Иван, опускаясь, сойдя с дороги, на голый песчаный круг „солотины“. Не в моготу было идти Ивану и, обвив свалившуюся наперед руками голову, он в изнеможении присел. Иван сидел, а горькие, обильные слезы, скатываясь с побледневшего его лица, капали на крепкую белую „солотину“. И где капали, там ее, соленую, и прожигали...

С самого первого дня, когда Иван пришел в память после тяжелого перенесенного им тифа, он как не бьется, все же не может себе уяснить то невозможное, что, вопреки всем злам на свете, стало возможным...

— Как это у него поднялась рука? — силился Иван разгадать, уяснить себе причину поднятия „его“ руки... Что он креста, что-ль, не имел? Совесть потерял? Не китаец же он, бескрестный, не отрекся же он от своего отца, убивая моего отца? Какая сила толкнула его убить моего отца?.. Свой убил своего! — Убил сам себя. Убийца — самоубийца... Знает ли кто такой грех? — задавал Иван вопрос за вопросом и не на один не находил себе ответа. И боль по отцу, и страх и ужас за убийцу, — все вместе ложилось и давило тяжелым, непосильным камнем на тело, на душу, на сердце Ивана.

А что, если, быть может, только думал напугать отца? — мелькнуло в голове Ивана. И что, если он (Иван вообще избегал произносить слово „хоперец“. Это существительное он заменял местоимением „он“ — Иван все же, несмотря на смерть отца, не мог сопоставить слово „хоперец“ со словом „убийца“) совершил это страшное дело по неосторожности, по нечаянности? А потом, спохватившись, быть может, сам рвал на себе волосы, но поправил греха уже не был в силе? Что, если так?..

Как бы Ивану было тогда легко и спокойно на душе... Иван чувствовал, что если бы он не простил хоперцу, то, во всяком случае, не решился бы ему тогда мстить...

А, может быть, он это сделал в досаде, в нервности?.. Может быть, кто наговорил ему (ведь теперь время-то какое!) что-либо дурное об отце? И он смелый разговор отца счел за явное себе неповиновение, за „неразделение“ отцом „его“ идей — действительно,

за „большевика“? Что если так?.. Ведь на „большевика“ может подняться не только рука хоперца, но и рука Самого Господа Бога...

Если бы знал это Иван (и если бы у Ивана было время подумать), то он бы не прятался от полка в солому. Если бы знал Иван, что у него не хватит силы воли мстить убийце его отца — хоперцу, если бы знал Иван все это, то он, конечно, бы простил. Простил бы Иван, если бы вдумался тогда в то, что мстить хоперцу, значит, мстить самому себе (как и хоперцу, убив Иванову отца, убил этим сам себя). А мстить хоперцу (и самому себе. — Какие вариации!..) Иван мог бы (если уж на то пошло) только лишь тогда, когда бы он, оставшись, стал бы „большевиком“. А „большевиком“ — как Иван теперь окончательно убедился — он сделаться не может...

Что поделаешь с сердцем, если оно сегодня фактически разрывалось на куски, когда Иван смотрел на тех чужих людей, где Иван привык видеть станичного атамана, помощников, выборных почетных казаков, сбор? Как сегодня эти чужие в кожанках люди грубо рылись в измученной Ивановой душе, неосматривая его больного, а лукаво допытываясь, почему и как Иван остался?

В коммисионаной бумажке Ивана значилось, что он — товарищ, Иван Чириков отпускается домой до „следующей комиссии“. Конечно, „следующая комиссия“ может последовать скоро, даже, может быть, завтра, но Иван все же был доволен ее результатом...

— Завтра завтрашнее, — думал Иван. — А важно, что есть сегодня. А до завтра еще много воды может утечь... И измученное, бледное лицо Ивана загорелось, засветилось, ожило от какой-то только одному ему известной видно тяжелой, но вместе с тем и подбадривающей его решительной думы...

... Уже кончается март, уже прошло и Благовещение — срок выезда в поле „вдовьего плуга“ — а пахоты хуторской, можно сказать, и невидно. У одних некому пахать (бабы да дети напашут, что-ль, много); у других нечем пахать — подводы, лошади и быки забраны красными в обоз; третьи не пашут потому, что нечем сеять — до зерна повыгребли красные из амбаров; а у всех, просто, нет охоты к пахоте. С приходом товарищей не только не стало охоты к работе, но не стало охоты, желания жить.. Вот потому-то, хотя весна и проходила — время посева и залог всего годичного существования хутора — но хутор, с так неидущей к нему в эту пору беспечною, не пахал, не работал, а только к чему-то прислушивался, боязливо оглядываясь по сторонам, чего-то ждал. Молчал, осторожно шептался и ждал, надеясь на должную быть перемену, в которую он верил всем своим нутром...

Надеялся и верил в эту „перемену“ и Иван... Но Иван имел в виду еще и другое. Ивану, так или иначе, нужно было исправить свою „ошибку“. Он на это решился твердо и бесповоротно. Надо было только спешить Ивану, чтобы красные не загнали его в тыл, откуда осуществить свое решение Ивану будет трудней.

За время пребывания среди красных, Иван убедился, что с „товарищами“ он не имеет ни одной самой ничтожной живой нити, которая бы его могла с ними связать. Уж так они ему были далеки и чужды, если с ними он даже не мог мстить за смерть своего отца! Глядя на красных, Иван чувствовал, как опротивел ему его же двор.

— Задыхаюсь я тут, — говорил Иван Покуте. — Сбил меня покойник с пути...

И вот, когда Ивана вызвали на „следующую комиссию“ в Серебряковку (подалеже от фронта), то Иван, прощаясь с женой, ей сказал. — У красных меня не ищи. Жди меня домой с 76 полком.

Условились, и Иван уехал на комиссию в Серебряковку...

На этот раз комиссия сочла годными всех державшихся на ногах, а тех, которые еще не поднялись — лежали в постели (ибо и эти у красных были на учете) их, полуживых, просто погрузили на подводы и повезли куда-то дальше, в тыл.

Конечно, Иван, попав в полк, не будет и заикаться

о том намеренном решении, на котором он остановился, сидя в то памятное ему злосчастное утро в скирду соломы. Он, просто, скажет, что заболел тогда, и его настигли красные. — Можно так сказать, — думал Иван. — Поверят. Потому что, когда взвод, уходя, начал искать Ивана, то Покута сказала взводному, что Иван пошел на „могилки“ — помолиться. На могиле отца покойника. — Езжайте, — сказала она взводному уряднику. — Он вас догонит. Вот и скажу, что пока дошел от „могилки“ домой, то не только что не мог бежать за полком, а не видел белого света — тиф меня накрыл... Перемешалась правда с неправдой, — раздумывал Иван, вспомнив и о тифе и о скирде соломы... Но признаться, ведь, при всем своем раскаянии, нельзя — и стыдно и опасновато... — А так поверят, — успокаивал себя Иван. — Тем более, что тут, среди красных, я не один...

К слову сказать, Ивану очень хотелось, чтобы ему именно поверили. Не только потому, что ему, в случае если не поверят, будет и стыдно от казаков и опасно... но еще и потому, что Иван сам хотел так верить. И даже верил... Тогда Ивану становилось легче, спокойней на перестрадавшей так много его измученной душе...

Кружась птицей в облаках, шумно гудит мотор аэроплана и так иногда снизится над Серебряковкой, что вот-вот, кажется, заденет своими расправленными в стороны крыльями какую-либо трубу хуторских маслобоек, а то и маху „ветряка“.

— Вот бы заделаться той птичкой, что кружится возле аэроплана, — думает Иван, мечтательно вперив свой взор в белые облака. — Сел бы да и был таков...

Должно быть, действительно, уж так низко опустился шумевший аэроплан, если в хуторе по нем поднялась такая беспорядочная, частая стрельба. Тогда он, немного поднявшись, стал кружиться над садами, где собрались, вытянувшись по дороге к Кошкину, нагруженные зерном подводы и, покрутившись, засыпал на землю частым свинцовым дождем.

— Так-так-так..., — такало в тихой воздушной выси.

— Вот греха-то, — подумал Иван. — Как бы еще не умереть от своей же пули.

Но хутору бояться было нечего. Как только подводы в панике вскочили в хутор, так стрельба аэроплана сейчас же и прекратилась. Аэроплан, просто, не давал красным вывозить хлеб из Серебряковки. Он и ночью сторожил ее, то куда-то по временам исчезая, то снова шумно появляясь...

В эту ночь Иван и три с ним казака, заранее уговорившись, должны были бежать. Больше ждать было и нечего и нельзя. Погонят в тыл, подалеже от фронта, как они делают, и тогда не так-то легко от них вырвешься. Да, ждать нечего. Решено. Сегодня ночью... Прямо по загонам — бесдорожно. На хутор Сусакин. От него наши недалеко. Разделяет только Дон. Хутора Сусакина нужно достигнуть за темноты — ночью. Днем там придется спрятаться в садах или, еще лучше, в камышах. А завтрашней ночью, если посчастливится, перемахнуть Дон. И у своих. Компания надежная. Только бы ночь не выдала — была бы потемней...

Бог, правда, был за Ивана и его сотоварищей. Нависавший, все сгущаясь с вечера, над Серебряковкой с моросившим мелким дождиком мрак делал наступающую ночь, действительно, темной...

По мягким, (правда, немногим) недавно запаханым загонам; по попадающимся на пути налитым водою „солотинам“; по шумно играющим ерикам; под хлеставшим бесжалостно с ветром дождем шли или вернее брели они, четверо, уставшие и мокрые, боязливо прислушиваясь, и к шумному плеску своих ног, и к случайному выкрику затерявшейся, как и они, среди темного поля одинокой степной птицы, и даже к своему собственному биению сердца.

Конечно, какая бы не была темь; как бы не дул и не хлестал по их мокрым лицам ветер; как бы не было им грустно и тоскливо в пустынном поле, Сусакин хутор они найдут с завязанными глазами. Конечно, они не собьются, ибо они знают каждый здесь ток, каждый скирд соломы, где они иногда останавливаются,

чтобы передохнуть от усталости и грусти. Они только одни знают, как, среди этих родных им полей, они одиноки и затеряны. Затеряны на своей собственной земле. Даже собственные их дворы и хаты, которые светятся вон там, направо и те не их, а чужие. Будь они их, они бы не бродили по темному, пустынному и мокрому полю, а спокойно спали бы себе в тепле — под кровом и в кругу своих.

Все четверо они все это и чувствовали, и сознавали.

До света время еще оставалось, и беглецы решили заглянуть в лежащий им на пути хутор Слободкин, к сестре одного из сотоварищей Ивана, выданной сюда замуж. Сестра жила на краю хутора и зайти к ней не составляло особой опасности. Зайти же нужно было, во-первых, потому, что Иван и его сотоварищи хотели поразузнать некоторые о фронте новости (хутор Слободкин был поближе к фронту, чем те хутора, в которых жили беглецы); а, во-вторых, они считали нужным иметь связь с сестрой на время их сидения (если таковое, действительно, последует) в Сусакиных камышах; а, может быть, сестра или свекор им даже помогут в переправе. Так рассчитывал Иван и его спутники.

Зашли, перепугав до смерти и сестру, и свекра, и детей, когда постучались в окно куреня. Огня не зажигали — разговаривали в потемках...

Заход оказался кстати. Свекор только что днем был в станице. Он там все видел и уверял, что красные уйдут не сегодня — завтра, ибо их обозы и лазареты уже тронулись из станицы. Комиссары, конечно, храбрятся — не показывают вида, — говорил свекор. — Но «шила в мешке не утаишь» — видно, что все нагатапливается в путь-дороженьку... И мой вам, господа, совет, — предложил с уверенностью свекор. — Никакой переправы не предпринимать, ибо это небезопасно, а между тем, совершенно бесполезно. Я уверен, что наши придут не сегодня, так завтра, и потому лучше всего вы схоронитесь в камышах и сидите там, пока я вам не скажу...

Так и решили. Решили ждать своих в Сусакиных камышах, никуда из них не выходя, чтобы ничем не рисковать. Свекор же обещался казаков питать и харчами и новостями.

В следующую же ночь свекор, придя к казакам в камыши, сообщил, что весь хутор Слободкин забит отступающими красными. Красные не отступают, а, вернее, бегут — боятся обхода их из-за Манычи. — Уйдут, видно, без боя, — радовался старик за свой хутор, который — как думал свекор — на этот раз спасется от того страшного, что ему пришлось пережить при приходе красных, когда он был двухдневной аренной жаркого боя.

— Ну, а в станице что? — интересовались казаки, спрашивая свекра. — Станица, говорят, красными оставлена. Но наши тоже еще не вошли. Стоит, говорят, как после пожара — обобранная, обломанная и обшарпанная. На улицах, говорят, за весь день не увидишь ни одной души. Все похоронилось от боязни. Красные, уходя, забирали с собой не только здоровых, но и больных. Последнюю ночь делали облаву. Кто не подстерегся, всех забрали. Искали и по садам и по озерам. Вы уж пока все выясните, сидите — не вылезайте, — заключил свекор, уходя домой.

Третью ночь и свекор ночевал в камышах с казаками. Боялся, чтоб в эту ночь — в ночь ухода красных

из хутора — они не подгребли бы его под „общую гребенку“.

Домой, оглядываясь, как заяц, по сторонам, пришел он к „подвечеркам“. Красных не было ни души. — Ушли, проклятые, — выругался довольно старик, подходя ко двору.

Подождал Петрович — так звали свекра — до вечера и собрался уже идти в камыши за „ребятами“, как он называл укрывавшихся там казаков, сказать им радостную весть, что можно, мол, оставить им их убежище и идти в хутор ожидать своих. Вышел уже из двора. Как вдруг, заметив скачущих в хутор всадников, не только в нерешительности замер на месте, но и если бы мог провалиться, то, не думая, согласился бы на этот провал. Сквозь землю — в преисподнюю. — Пропал, вырвалось у Петровича безнадежно. Надо же было, как раз, угораздить. Самому вскочить в лапы. И хотел бы было уже шмыгнуть обратно во двор, но счел, что из этого хорошего ничего не выйдет. Скорее выйдет худшее, ибо он уже замечен. И они уже вот — подскакивают... И Петрович в ожидании чего-то страшного, опустившись и покорно поджав плечи, продолжал стоять на месте...

— Здорово, Петрович! — вдруг воскресил его, омертвевшего, знакомый, сочувственный голос. — Живого тебя видеть! Да что с тобой? Уробел, что-ль?..

— Да, как же не уробеть? — обрадовался Петрович, не веря своим глазам, что перед ним стоят знакомые казаки станицы.

— Уробеешь, братцы, по неволе. Думал уже, что нехристи вернулись...

Пока казаки вводили во двор коней, Петрович успел им сообщить, что и здесь есть казаки, которые прятались от красных по камышам. Вот только сейчас он хотел идти к ним, сказать им, обрадовать их тем, что красные ушли из хутора, и что теперь они могут оставить озеро.

— Зови, зови их, Петрович, — заторопили его казаки. — Зови, скорей. Есть неотложное дело...

— Значит, изуверы ушли из станицы? — обрадовался Петрович казакам, только что прискакавшим из станицы.

— Ушли. Третьего дня еще ушли. Ноне утром наши вошли...

Что это у них за „неотложное дело“? И почему они так куда то спешат, как бы чего-то недоговаривая, думал Петрович, поспешая в камыши за „ребятами“.

Красные ушли — нужно только радоваться. А они какие-то затруженные, запуганные... Стал расспрашивать, как и что в станице, а они в одну душу свое — скорей, скорей, зови, казаков. Прямо, как бы чем-то ударенные...

Когда Петрович привел домой Ивана и три с ним казака, то и сам Петрович, и Иван, и бывшие с Иваном казаки были ошеломлены недуманным и никогда негаданным ими сообщением (лично для Ивана эта „негаданность“ уже была второй по счету — первая была смерть отца...).

Прискакавшие из станицы в хутор Слободкин перепуганные казаки рассказали, что сегодня в обедах они были свидетелями одного „страшного дела“ (как они выразились), а именно...

(Продолжение следует).

Русские о русских.

Известный славянофил К. Н. Леонтьев: „русский человек скорее может быть святым, чем честным“.

Михайловский часто утверждал, что „мы (русские) потому так гордимся своей „особенностью“, что лишь „оцарапаны цивилизацией“, а не цивилизованы“.

Револьюционер, кн. П. А. Кропоткин „всецело признавал глубокую некультурность широких слоев русского народа...“

„Спора нет: дух мертвого Ленина бродит по земле... „Оцарапанная цивилизацией Россия“... не только не оказала массового, народного сопротивления духу разрушения, но всячески помогала ему. И дух — воплотился...“ (Е. Кускова).

(Из статьи Е. Кусковой: „Здесь они не победят“, в „Посл. Нов.“ от 29 июля с. г.).

Вл. Куртин.

П л а с т у н ы.

(Клочки воспоминаний).

II. Алашкерт.

Солнце спускалось за зубчатые цепи Клыч-Гядука, когда мы подходили к Алашкерту. Издали он был очень заманчив; а фантазия дополняла его всеми чарами из восточных рассказов. Но все наши радужные мечты рассеялись как дым, когда мы вошли в самый город. Турецкие города вообще красивы и заманчивы только издали, но как только войдешь в первую улицу — очутишься среди безобразно расбросанных плоскочершых мазанок, среди ужасающей грязи и вони. Алашкерт же был из рук вон вонюч и грязен: на улицах, на крышах домов валялось множество дохлых собак, кошек; лежали вздувшиеся туши буйволов, баранов, трупы павших коней. Не знаю, военная ли это обстановка, или здесь так было и в мирное время. Судя по тому, что армянам это зловоние нисколько не мешало, можно предполагать, что так тут было и в мирное время.

Жителей осталось мало, — немного курдов и армяне. Во всем Алашкерте едва-едва нашлось место для всей бригады. Наш батальон занял южную часть города. Штаб и офицеры 1-ой сотни поместились в школе. Учителем в этой школе был молодой армянин, окончивший в России Духовную семинарию. За день до нашего прихода этот священник умер от страшных пыток, т. к. турки в нем видели русского „шпиона“. На другой уже день по нашем приходе армяне с диким воем приволокли к нам совершенно голого курда. Все кричали, что это тот самый курд, который замучил учителя. Курда дали армянам, чтобы они с ним сами расправились, а вечером со сторожевого охранения привели опять — того-же курда. Оказалось, — он откупился от них за серебрянный рубль.

Город (будем называть эту вонючую кучку еще более вонючих „домов“ — городом) ожил: трещат костры, бубнит и пищит на все лады бригадный оркестр. Песни разносятся по всей долине. Но, „главного“ мы здесь не нашли — ни коньяков, ни ликеров. Прaporщик Ушаков где-то разыскал флакон одеколона, выпил и, утираясь рукавом, философски заключил:

— Вовсе уж одеколон не такая гадость, как принято думать... Немного воняет, но пить можно...

5-го ноября солнце выскочило из-за Диадина как-то особенно рано. По кривым улицам города побежали веселые ручьи. Снег быстро таял. С долины поднимаются туман. Через туман там и сям пробиваются струйки дыма: то оставшиеся в своих жалких лачугах жители готовят незатейливый завтрак. Всюду мир. Так не похоже, что мы на войне! Да и впрямь — война ли это? Две недели прошло, как мы сбили турок с Чингалского перевала, прошли всю Алашкертскую долину, а неприятеля нет, как нет. Странные курдинские беки выглядывают кротками овечками... В Каракилисе нам армяне говорили, что турки войны не хотят...

Приехал бригадный врач. Он сообщил новость, о которой мы положим и раньше слыхали, но не из такого авторитетного источника. Врач сообщил, как истину, что турецкий престолонаследник поехал в Петербург „просить мир“, и что турецким войскам приказано уклоняться от боя с нами.

— Ура, ура!.. загремело по долине.

— Домой! шабаш война! В Игдыр на мягкое вино!..

Подходит сияющий фельдфебель.

— Ну, что — шабаш война?.. Османы испугались?..

— Не знаю... Слишком как-то скоро...

Около полудня вдруг услышали гул артиллерийской канонады. Мы знали, что где-то, по ту сторону долины, в горах Клыч-Гядукской цепи орудует генерал Певнев с кавалерией. „Японцы“ (т. е. бывшие на японской войне) так объясняли нам эту „невязку“.

Певнев тоже знает, что войны с турками больше нет, но ему не хочется вернуться без орденов и дешевых лавров. Так было в Манджурии: многие генералы, всю войну просидевшие в тылах, когда узнали, что заключено перемирие — стали вдруг страшно ратобор-

ными и храбрыми и бряцали оружием... Вот так и Певнев...

Перед вечером пальба усилилась. Слышна стала и трескотня пулеметов. Это хотя и вносило некоторую тревогу и сомненья в наше прекраснодушие, но в „мир“ с турками верили.

— Как-же, когда сам бригадный врач говорит!..

8-го ноября утром видим — скачут по долине к Алашкерту несколько верховых. Ближе и ближе. Уже можно разобрать, что это казаки. Еще за несколько минут к штабу под'ехали казаки 1-го Волгского полка с офицером:

— Певнев не гоняется за дешевыми лаврами, а, наоборот, за ним гоняются турки и „замирившиеся“ курдинские беки... и даже 2 орудия отняли, и терцы просят помощи...

Вот тебе и мир!

Немедленно снялись со своих насиженных мест и спустились в долину.

Падает густой снег. Грязь непролазная. К вечеру загулел ветер... Подошли к притоку Ефрата—Шариан-су. Перебираемся в брод через бесчисленные его рукава. В одном из рукавов, между склонившимися к самой воде ветками вербы, видим — пблы черески. Казаки, войдя в воду по пояс, вытащили испод корня труп казака. По череске видим — терец... Язык вырезан, все тело исколото кинжалом. Молча стоим, а сердце кипит негодованьем и жаждой мести...

— А нам запрещают и пальцем тронуть курда, слышалось негодующее.

— Мирной, говорят... Абациев, мол, с ними договорился... Вот что „мирные“ делают с нашим братом!..

Под'ехал г. Гулыга. Посмотрел. — Мы их оставляем в покое, а они...

— Всех рассстреливать!.. И сами отомстим за брата!..

Генерал молчит. Осмотревшись кругом и видя насупленные, негодующие лица коротко бросил:

— Кровь за кровь!..

Перешли реку. Начался под'ем на Клыч-Гядукский перевал. Идем по прекрасному шоссе, проведенному, как говорили, французами. Иногда встречали одиночных терцев... Ночью поднялись к самому перевалу. Здесь, в ложбинах, укрывшись от ветра, сгрудилась 66 пех. дивизия. Нам было приказано немедленно занять хребты вправо и влево от шоссе. Снег сыплет густыми огромными хлопьями. От снега и тумана не видно ни на два шага вперед...

Вылез и я со своей сотней на шпиль влево от дороги. Сам с несколькими пластунами остался на шпилье, а сотню разместил полукольцом, ниже. Расселись пластуны. Покрылись бурками, а за 2—3 минуты они уже ничем не отличались от торчащих там и сям камней, покрытых снегом.

Ждем басурманина.

Перед зарей ясно слышим гортанные крики.

— Идут... Пусть идут!

В тумане все кажется ближе. С большим трудом обошел цепь. Взобрался опять на шпиль. Туман неожиданно исчез, а шагах в ста от нас, ниже, увидели кучку турок, как они, опираясь на винтовки, подбираются к цепи. Турки, очевидно, никак не предполагали, что мы так близко. Смешались. Стали... А уж затрещали отдельные выстрелы. Я мигом скатился со шпиля.

— Пли!

Резервный взвод дал залп... другой, третий...

Добрая половина попадала, остальные бросились вниз...

— По отступающим, часто!

Опять нахлынул туман. Молодые казаки с неестественно расширенными зрачками глаз, впившись в густой туман, стреляли, пока их взводные не стянули с „удобных позиций“.

Остаток дня просидели скрытые туманом и от неприятеля и от своих.

Вечером нас сменили. Мы спустились на шоссе. Подесаул Рубинов смастерил некоторое подобие шатра; напились чая с дымом, поели плеснивого лавашу. Сегодня день ангела нашего адъютанта — Архистратиг Михаил. Решили было „отпраздновать“, но командир позвал его и меня к себе. Скучно ему было самому. А сидел он на дороге, укрывшись буркой. Примостились и мы около него. Ветер рвет немилосердно: только отпустишь полы — летит вся бурка...

Крупа (солдаты) развели в ложбине костры. Гомоня. С рассветом они идут в наступление.

Едва забрезжил свет, забренчали котелки, заляскали, ударяясь один о другой, штыки... Бородатые мужички, в мокрых и грязных шинелях, в прокишших фуражках, а многие с бабьими платками на голове — полезли из котловины на перевал. Добираясь до наивысшей точки, откуда открывался вид на долину до Дутаха, крестились, весело приговаривая что-то невидимо му „турке“.

По ту сторону перевала шоссе не было, но вилась узкая дорожка. Вслед за дивизией спустились и мы. Когда мы только втягивались в селение, лежавшее у самой подошвы Клыч-Гядука, солдаты уже заняли холмы к югу и юго-западу от селения. Шла довольно оживленная перестрелка. Мужички спускались с холмов в долину, турки подбирались к холмам.

— Встречный бой!

Мы заняли позиции, составляя резерв дивизии. Батарея, кое-как окопавшись, из-за холмиков осыпала наступающих турок шрапнелью. Солнце припекает. Выпавший ночью снег тает, открывая молодую зеленую травку. Первая сотня расположилась позади батареи, как прикрытие. Я и Мишка стоим на невысоком кургане. Смотрим как все ближе и ближе сходятся наши „Крестики“ и турки. За курганом развернулся перевязочный пункт. Там уже около трех десятков раненых... Вот бежит от цепи с винтовкой в одной руке, а другой смежно размахивая, солдат — маленький мужиченко. Он что-то отчаянно кричит и показывает в сторону турок.

— Что это сукно раскричалось? Выходим навстречу. Видим, у мужика по всей левой руке течет кровь. Хотели было спросить, что с ним, но мужичишка сам начал:

— Вишь, гряди яво мать, Махнут проклятый!.. Прямо в ладонь угодил. Гряди яво мать!.. Где тут лазарет? Перевязать надуть!.. Я яму покажу, как людей калечить!..

Перевязали солдату рану, хотели было записать его имя и какой части, но он схватил опять винтовку и подпрыгивая, побежал к цепи, грозя туркам „показать Кузькину мать“.

Смотрю я в бинокль на наши и турецкие цепи, обвожу турецкий тыл и, вдруг, вижу: из-за горы, что к юго-востоку от нас, со стороны Ефрата выгигивается конница, как-бы в обхват правому флангу турок. Смотрит в бинокль и Мишка.

— Это Певнев с терцами... Конницы уже 2—3 сотни.

— Нет, Мишка, это не наши.

Сообщили командиру. Посмотрел:

— Подождем немного...

Заметил конницу и командир батареи. Прищурил свои и так маленькие калмыцкие глаза...

— Подождем немного...

Из-за горы показываются все новые и новые ряды конницы. Передние спешиваются, рассыпаются в цепь. Коноводы отводят коней в ложину, закрытую от нас.

— Э, это не Певнев!.. Это турки хотят ударить на наш левый фланг и тыл...

Спешившиеся развернулись тремя цепями и двигаются на нас, т. е. на резерв, батарею и перевязочный пункт.

И штаб наш заметил обходное движение нежданной турецкой кавалерии.

Девятый батальон вышел навстречу. Турки его не видят, быстро приближаются к нам. Командир батареи приказал повернуть орудия на лево. Назначил прицел:

— Первое! Второе!

Чхнули две горяшки. Зашипело в воздухе, а два

белых облака взметнулись над турецкими цепями. Плехнулись османы. Опять вскочили. Бегут на нас.

Еще чхнули горяшки. Еще два облака поплыли над цепями, но турки уж не ложатся, прут на нас, а 9-ый батальон уже выплескивается из балки на гребень, уже наежинились штыками передние цепи...

Урра!.. доносит ветер.

Дрогнули османы. Видимо никак не ожидали встречи... А пластуны уже бегут на них и „ура“ уже слышим ясно... И главные силы турок залегли. Трескотня идет веселая...

— Эх... хорошо! Кричит Мишка.

Пехота скрылась за холмами. На правом фланге, по Клыч-Гядукскому хребту что-то упорнее. Там наш толстяк Гарибов с 3-ей сотней сбивает османов. Наши наступают полукольцом. В центре 66-я дивизия, по флангам пластуны.

Полусотня 9-го батальона гонит пленных курдов.

— Куда с ними?

— Расстрелять!

Подвели их к каменной огаде.

— Пли!

И груды тел в маленькой горной деревушке красноречиво говорят, что война не шутка.

— Это вам за терца... вашу мать! приговаривают пластуны...

Около трех часов дня получаем приказание сняться с позиций...

66-я дивизия осталась. Опять карабкаемся на Клыч-Гядук. Поздней ночью спустились в Алашкертскую долину. Ночевали по селениям, а утром двинулись на запад.

Куда? Зачем?... Почему в разгаре боя оставили 66-ю дивизию?.. Ничего не знаем. Втянулись в ущелье. Сзади рысю догоняет нас г. Гулыга со штабом. Проезжая мимо полк. Витинского, кричит:

— От внутреннего врага убегаем!..

III. Первый бой с — 39 п. дивизией.

Ущелье вьется вверх. Суживается. Две-три версты карабкаемся по льду... Передние стали:

— В чем дело?

— Дороги нет. Ступеньки нужно вырубать.

Туман такой, что ни собственного носа не видать, но за то слышно превосходно. И каждый звук повторяется тысячекратным эхом. Временами, как привидения, выступают из тумана высокие льдистые утесы. Слышно где-то глубоко под утесами шумит поток. Пластуны, как кошки, карабкаются на утесы. Взообразись: льды, снег, клубы тумана... Тишина. Такая чуткая извечная, что чудится, будто слышишь шуршанье тумана, цепляющегося за снег и льды.

— Хорошо бы нас могли тут встретить турки... говорит урядник Сидоренко уряднику Пархоменко.

— Чорта с два: как-бы они сюда забрались?!

Будто кто мгновенно сбил папаху с головы Мадур-Дага и ослепительно заблестела его лысина... Стоим на вершине снежного хребта, а кругом, на сколько хватает око, высятся снежные громады, вьются, клубятся облака...

— Как по тем горам скали-сты-ы-ым

Едут братья казаки...

Грянула песня.

— Бурки черные мелькали...

подхватывает весь батальон. А эхо разносит ее по всему скованному льдом и тишиною первородному хаосу, на крыльях тумана пронесет ее по ущельям, грозным мemento разбрасывает по селениям, загоняя аскерам души в их грязные пятки...

— Ще 6 трохи у гору, — як раз бы до Бога у гості на чай прийшли, говорит ур. Пархоменко.

— Йок, не соглашается Истомин, нашего брага ни к Богу, ни к чорту не пускают. Вот у кавкаёв в монастыре картину страшного суда видал. Всякого народу и в раю и в пеклу. А казаков ни там, ни там...

— Потому — ни к какому корпусу не приписаны. Отдельным отрядом орудием, поясняет Ханнин.

— Встать! Вперед! Доносит эхо из тумана, который опять так-же быстро и незаметно скрылся от нас и

наши носы, как быстро и незаметно перед тем обнажил снежные вершины на десятки и сотни верст.

— Э, легко пластуны спускаться вниз: завернись в бурку и — падай с утеса на утес, катись катком по откосам, пока не докатишься до теплой сакли...

Переночевав в Даяре, который похож на дно глубокого колодезя в снегу выкопанного, опять втягиваемся в ущелье. Из ущелья выбрались на долину, замыкавшуюся с запада высокими совершенно отвесными горами. Идем прямо к тем отвесным горам-стенам. В белой стене чернеет трещина. Это и есть знаменитый Карадагский проход, связывающий Алашкертскую долину с Пассинской. Вот мы уже почти под стеною у самой трещины, вдруг —

та-та... та... та...

Над головой засвистели пули. Передние пластуны мгновенно рассыпавшись в цепи, согнувшись, побежали к стене; задние, укрывшись за камнями, открыли огонь по хребту, но

— кто это?

— Да ведь нам сообщили, что проход свободен!

— Дербенский полк его занимает.

— Но кто-ж тогда стреляет?..

— Да они же и стреляют!

— О, мать вашу так!..

Мишка, который имел поистине бычье горло, взобравшись на холм, кричит тем, что стреляют по нас с хребта:

— Е... вашу... картузники!.. Не стреляйте!.. Ка-за-ки!..

Но „ картузники “ перестали стрелять только тогда, когда увидели наши подошедшие лазаретные двуколки. Вниз сошли два прапорщика. Смотрят все еще недоверчиво.

— Чорт вас разберет — кто вы... Мы думали, что курды. И они так же замотаны, как и вы...

Когда подтянулись все части, вошли в трещину. Трещина в некоторых местах суживалась так, что идти приходилось по самой речке Иделе. Особенно тяжело пришлось нашим верблюдам, буквально раздиравшимся на скользких камнях.

Вблизи селения Дели Босба вышли из этой горной утробы на свет божий. Перед нами развернулась широкая Пассинская долина. Здесь где-то занимал позиции генерал Пржевальский с первой пластунской бригадой, на соединение с которой мы и убежали от 66-й дивизии и ген. Абацьева.

IV. В Пассинской долине.

Пришли в Мешки и Пинадуз. Сменили быстрых и юрких как черти „действительных“ первой бригады. Выкопали в снегу окопы „сколена“. Засели. Ждем турок. Ждать их пришлось не долго. В одну прекрасную лунную ночь вылезли они из своих окопов и с грозным „Алла“ черными густыми рядами двинулись на нас... Все ближе и ближе „Алла“. Все острей и острей впиваются пластуны глазами в черные ряды катящихся лавиной турок. Но, ни одного выстрела. Даже ни одного слова не слышно на протяжении всего нашего боевого участка. Гробовая тишина. А уже ясно видны аскеры, как, со штыками на перевес, ряд за рядом бегут на нас... „алла“ уже точно рев взбесившихся зверей индийских Джунглей, или грохот разъяренного осенней непогодой моря. Еще момент и — неуправляемые волны его зальют наши окопы, зальют нашей кровью девственно чистые снега Пассинской долины... Нервы напряжены до сверхестественной восприимчивости и малейших оттенков надвигающейся бури. Но, ни одного выстрела. Тишина. Смертная тишина. Как на море за несколько секунд до всеразрушающего, страшного водного вихря смерчи. Турки приблизились еще шагов на

сто. А на встречу им все тоже убийственное молчание. И — грозное „алла“ — разбилось. Как разбиваются волны моря о прибрежные скалы, не достигнув самого берега. По инерции уже выплеснулись отдельные языки из первых рядов...

— Алла!... алла!.. но уже не прежнее страшное, от которого кровь стынет в жилах, а бич подхлывающий аскеров на ужас нашего молчания... И вдруг — передние и задние с нечеловеческим криком: „алла, алла“ хлынули — назад...

Пластуны почувствовали, что их нервы победили.

— По отступающим! Частый!..

Лихорадочно быстро, но методически точно прицеливались, щелкали затворами, выбрасывали гильзы...

А утром пили чай и подсчитывали расход патронов...

V. На Сарыкамыш!

Наступательное отступление или отступательное наступление.

... Та-тата!.. та-тата!..

— Кто зовет?

— У телефона генерал Мышлаевский.

— Слушаюсь. Начальник связи пластунских бригад хорунжий Старнинский.

— Генералу Пржевальскому: немедленно сняться с позиций и усиленным маршем идти на Сарыкамыш... 20 часов похода, 4 — отдыха...

— Ваше пре-во, генерал Пржевальский и генерал Гулыга успешно развивают наступление. В настоящий момент не знаем, где они находятся, так-как все время с боем продвигаются вперед. Турки отступают по всему фронту...

— Разыскать и передать мое приказание!

— Слушаюсь.

Начальник связи послал несколько ординарцев разыскивать пластунских генералов. Бог весть где и как нашли они одного и другого. Передали приказание и — началось знаменитое отступательное наступление на турок, обложивших Сарыкамыш.

Удивившись до сих пор турки, увидав новую „обстановку“, энергично нажали на пластунов. Пластуны, отбиваясь 4 часа, двадцать бегом спешили на выручку Сарыкамышу... А снег по горло. Мороз до 30 градусов... А на каждом шагу — Чертовы мосты...

В такой передышке военнначальствующим некогда „разрабатывать операции“, а подчиненным исполнять их „директивы“ и приказы.

Пластунов спас и привел к прогретым на весь мир победам чудотворный инстинкт, унаследованный от дедов, которые при всякой обстановке были и — прудкими и чуткими, второпными и проворными...

От сапог и чувяк — ни воспоминаний. Черкеска — в лохмотьях. Ноги с отмороженными пальцами... А идут, будто пружинные на парадном смотрю...

Бо от дідов навчилися: Зимою на холоді, а літом на комарах та з голодом...

И пришли. И увидели отборную армию Энвер-пашы. И — уничтожили отборную армию. А сам Гази*) едва спасся на быстром своем дромодере...

Турки — и те, что с Кебри-Кея гнали за „отступающими“ пластунами, и те, что на Сарыкамыш облизывались — в спину пластуна никогда не видали.

Потому то и мог г. Гулыга в Батуме, на банкете „хвастнуть“ перед врачами:

— „Раненого пластуна не перевертывать без толку — отыскивая входную и выходную раны: в х о д н ы х в спину не может быть!..“

(Продолжение следует).

*) Непобедимый.

И. Билый.

Не клеветайте!

(Продолжение).

Мы уже сказали, что идея созыва Верховного Круга принадлежит самостоятелям и собиравшимся созывать они его не для соглашения с генералом Деникиным, а для организации объединенного казачьего государства и для того, чтобы Казачество могло взять свою судьбу в свои руки. Так эту задачу понимали и кубанцы и донцы. Задача эта осталась тогда неосуществленной прежде всего, может быть, потому, что поздно ее начали осуществлять, и по причинам, о которых уже мы говорили в прошлом номере или будем говорить ниже.

Для характеристики приема г. Сулятицкого (а ему нужно опорочить какой угодно ценой идею казачьей солидарности, идею казачьего сотрудничества, идею казачьего сговора, наличие общеказачьих интересов и программу и целесообразность казачьего объединенного государства — все равно в какой форме) приведем здесь выдержку из его статьи, относящуюся к характеристике „предпосылок“ созыва Верховного Круга. На стр. 12-13 читаем:

„Імперіалістичні та єдинонеділмські плани ген. Денікіна тільки змінювали їхні (кубанські. І. Б.) самостійницькі настрої та посилювали їхнє бажання врятуватися від лабетів Добрармії. Про ці настрої кубанців дуже добре знали донські москвофіли і, щоби вдержати Кубанський Край, а з ним і цілий Північний Кавказ під владою ген. Денікіна, а значить і Росії, вони заходилися коло кубанців, щоб їх укоськати. Для цього вони використали випробований уже спосіб запаморочення голов козакам-кубанцям — ура-козацьку демагогію про „казачье железо“, про спільність козацьких інтересів та про необхідність рятувати ці інтереси єдиним козацьким фронтом. І донські, а за ними й терські москвофіли повернулися до конференції Дону, Кубані та Тереку, яку вони, засліплені літніми успіхами Добрармії, були зрадили“.

„Отже, козакам донцям, кубанцям та терцям треба кувати „козацьке залізо“ (Тут, очевидно, п. Сулятицкий читає в душах донських та терських москвофілів та говорить їхньою думкою. І. Б.). Треба їм, насамперед, між собою порозумітись, а далі вже можна говорити і з ген. Денікіним, а ген. Денікін примушений буде вважати на голос об'єднаного козацтва... Аджеж на Південно-Російській Конференції справа порозуміння з Добрармією нічим не скінчилася тільки через те, що донці, кубанці та терці наперед не збалакалися... Коли б козаки були збалакалися, то ген. Денікін поступився б і Конференція дала б якісь наслідки... Взагалі козакам донцям, кубанцям та терцям треба обороняти свої козацькі інтереси єдиним козацьким фронтом... — Такі, в загальних рисах, міркування були дані на розвагу кубанцям „братями“ „старшим“ та „меншим“.

„Ті козаки-кубанці, що для них козацтво, як стан, було понад усе в світі, які навіть додумалися до „козацької нації“, щоб тільки перенести через вир революції й надалі зберегти свої „вольності“ та „привілеї“ (може ще й збільшити за наведення ладу в державі чи за привернення „отпавших“ земель) — охоче і сразу ці думки „братів“ засвоїли і так добре засвоїли, що згодом вважали їх уже не накинутими їм, а своїми власними. Та ці думки прийшли до смаку і багатьом тим козакам-кубанцям, що недолюбливали Добрармію. Ці останні сподівалися, що козацьку згоду їм пощастить поширити і на Кавказькі народи, а це, як їм здавалося, послужить ґрунтом для створення на федеративних підставах міцного противобольшевицького та протиденікінського державного організму, який буде в майбутньому боротися за республіканську та федеративну Росію“.

Так рисує „обстановку в мислях“, створивши Верховний Круг, госп. Сулятицкий. Ни одного документа, ни одной ссылки на факты, а исключительно „чтение в сердцах“ задним числом.

Внимательный и непредубежденный читатель, читающий статью Сулятицкого, может легко и сам найти в ней

целый ряд противоречий и много невязки, а те, кто знает события такими, какими они были, и много неправды или умолчание о правде там, где (как мы это уже отметили в прошлом номере) правда не выгодна или мешает основным целям „исторических“ работ этого автора. Но, ве; немся к приведенной нами выдержке из его статьи.

Прежде всего, снова о некоторых „общих вопросах“. О содержании выражения „казачье железо“ мы поставили уже вопрос его авторам в прошлом номере нашего журнала. Читатель видит, далее, что для г. Сулятицкого такие вещи, как „спільність козацьких інтересів“ и „необхідність рятувати ці інтереси єдиним козацьким фронтом“ — всего на всего „ура-козацька демагогія“. Мы позволим себе заметить, что мы, казаки, держимся иных взглядов и сейчас убедить нас в обратном не смогут. Мы позволим себе считать, что мы сами понимаем свои интересы гораздо лучше, чем понимает их г. Сулятицкий. Мы решительно должны отвергнуть действительно подсовываемую г. Сулятицким общую мысль, что до общеказачьей идеи могут додуматься только противники казачьей самостоятельности, или что такая идея нужна и выгодна только казакам-москвофилам.

„Схема“ и обстановка созыва самого Верховного Круга, нарисованная г. Сулятицким, в двух словах такова. Ген. Деникин не мог сговориться с казаками или казаки-москвофилы не могли сговориться с Деникиным потому, что не сговорились раньше между собою сами казаки. Мы уже говорили и сейчас утверждаем, что самыми большими противниками подлинного казачьего сговора были именно и Деникин с его окружением и казаки-москвофилы. Они училивали совершенно правильно тогда, что казаки раз'единенные гораздо легче могут быть использованы для службы делу Единой и Неделимой; что так гораздо легче можно, сея неладу между Казачеством, бороться и с казачьим самостоятельством и полностью использовать для своих целей физические и материальные ресурсы казачьих областей.

Согласно г. Сулятицкому „на Південно-Російській Конференції справа порозуміння з Добрармією нічим на скінчилася тільки через те, що донці, кубанці та терці наперед не збалакалися...“ По сколькоу знаем мы, вопрос соглашения с Добрармией на Южно-Русской Конференции кончился ничем по несколько иным причинам. Соглашения с ген. Деникиным не состоялось не потому, что не было согласия между казаками, наоборот, эти несогласия казачью позицию значительно ослабляли и усиливали позицию Деникина. Несогласия среди казаков ставили в трудное тогда положение только кубанцев, не хотевших соглашения. Казачьи несогласия помогали и тем среди казаков, которых г. Сулятицкий называет москвофилами. Они (некоторые донские и терские круги) пошли бы и на отдельное соглашение с г. Деникиным для торжества идеи Единой и Неделимой, если бы... если бы ген. Деникин и его окружение были бы несколько более „дальновидны“. Но то, что „давали“ в своих „пунктах“ деникинцы казакам, было так мало, что ни Харламов, ни Баскаков, при всем своем желании, просто не осмеливались появиться с „условиями“ ген. Деникина перед свои Войсковые Круги.

По Сулятицкому москвофилы хотели казачьего сговора, чтобы заставить ген. Деникина „поступиться“, „вважати на голос об'єднаного козацтва“ (с точки зрения казачьих интересов это все таки лучше, чем то, что предлагалось некоторыми другими — подчиниться „русскому делу“ без всяких условий), казаки самостоятели (и кубанские, и донские) хотели сговора и казачьего объединения потому, что тогда отпадала для казаков необходимость самого сговора, или: казаки самостоятели через сговор и объединение Казачества шли к его государственной самостоятельности.

По тому, как повествует нам сегодня г. Сулятицкий казаки-москвофилы подсунули идею Верховного

Круга и созвали его для того, чтобы, сговорившись, „единым фронтом“ потом „торговаться“ с Деникиным. Повторяем еще раз, что Верховный Круг собирался не для того, чтобы торговаться с русскими генералами (с Деникиным, или другим кем), а для того, чтобы казачеству стать самому господином своего положения и объединенными казачьими силами строить объединенное казачье государство. И что наше утверждение ближе к истине, чем утверждение г. Сулятицкого, мы покажем это ниже словами же самого Сулятицкого.

Внимательный читатель статьи г. Сулятицкого сам впрочем заметит, что созыв Верховного Круга больше всего взволновал именно москвофильские казахи и единонеделимские круги (зачем же им было столько „тревожиться“, раз, согласно, г. Сулятицкому, все это было делом их же рук?).

В самом деле: Верховный Круг собрался 5 января, а уже на второй день, по свидетельству самого же Сулятицкого, ... „б січня виступає на Верховному Крузі Донський Військовий Отаман ген. Богаевський, яко голова Денікінського уряду. Він почав доводити, що без ген. Денікіна порятунку не буде... „Пусть вы порвете с ген. Деникиным, его армия уйдет. Уверены ли вы, что наши казачьи части устоят“... — Уже отсюда видно, что В. Круг думал не о соглашении с Деникиным, а о разрыве с ним. Далее, для совершенно определенного давления на Верх. Круг, ген. Богаевский там же прочитал письмо английского генерала Хольмана к Куб. Атаману (цитирую по статье Сулятицкого же, стр. 17—18):

„Приказ, данный мне правительством Его Величества короля Англии, заключается в том, чтобы помогать ген. Деникину в его борьбе против большевиков. Поэтому это имущество (военное снабжение. И. Б.) будет распределено только по приказанию ген. Деникина... и только тем армиям или частям, которые состоят в его распоряжении и подчинении. Я не могу дать никому ни одного патрона без согласия его превосходительства ген. Деникина...“

„А на другой день, свідчить той же п. Сулятицький (стр. 18), на засіданні Верховного Кругу виступив голова Донського уряду Н. М. Мельников і в імені Донського Отамана та уряду радив не загострювати відносини з Добрармією і не шукати інших союзників“.

16 января, читаем в той же статье Сулятицкого (стр. 19), ген. Деникин „виступив на засіданні Верховного Кругу з промовою. У цій промові він, між иншим, сказав таке: „Екатеринодар устранил Россию, создал

казачье государство, формирует самостоятельную армию и готовится принять на себя всю полноту военной и гражданской власти на Юго-Востоке России. Одно только не принято во внимание, что Добровольческая армия и главнокомандующий служат России, а не Верховному Кругу...“ Или далее (стр. 20): „русское добровольческое офицерство (говорит Деникин) готово сложить свои головы за Россию, но за благополучие одного лишь казачества умирать не будет... Если Верховный Круг все же найдет возможным принять рискованное решение и откажется от организации общерусской власти, создаст казачье государство, отдельную армию и поставит ей задачей только самозащиту, то мне и Добровольческой армии здесь не место...“

Мы думаем, что уже этого одного совершенно достаточно для того, чтобы читатель мог согласиться с нами в том, что действительно Верховный Круг собирался не для того, чтобы делать дело казаков-москвофилов (или русских единонеделимцев), как то хочется теперь утверждать г. Сулятицкому. Ведь несмотря на такие „увещевания“, в самый решающий момент кубанская фракция В. Круга решила голосовать против какого бы то ни было соглашения (вместе с донцами, настроенными тоже против соглашения, на В. Круге составлялось нужное большинство) и только под непосредственным давлением (как это мы уже видели в прошлом номере „В. К.“) Куб. Атамана ген. Букретова и пр-ва г. Иваниса вынуждена была голосовать за (а поведение в этом вопросе тогда кубанцев было решающим).

Кстати, как пример постоянных противоречий г. Сулятицкого самого с собою, приведем здесь его „характеристику“ кубанской фракции Верховного Круга. На стр. 15 читаем: ... „чимало кубанців-членів делегації дбали більше про інтереси Добрармії ніж про долю Кубанського Краю і що між так званими „самостійниками“ були нестійкі і зрадливі елементи“. А на стр. 17:

„Кубанці союли неохітно на своїх позиціях...“ (против соглашения. И. Б.). На стр. 22 г. Сулятицкий тоже признает, что „Більшість кубанської фракції Верховного Кругу була проти згоди з ген. Денікіним.“

Нет, господа Сулятицкие, вам не удастся переложить вины за то, что было, с голов и плеч, которые действительно ответственны за последнюю казачью неудачу...

(Окончание следует).

Думы и мысли.

Д. Захаров. (Югославия).

Всколыхнись, подымись угнетенный
Дон, прославленный, седой,
И взметнись Ты, бури полный,
Быстрый Терек наш родной!
Раскатись стрелой волною
Кубань — сынов прехрабрых мать!
Вы смойте чистою водою
Сермяжную чужую рать!

...
Так что-же, витязи лихие
И дети славной старины,
Склоните вы покорно выи,
Наденете ярмо Москвы?
Забудете истории страницы
И блеск, величье перначи?
Сдадите без борьбы станицы,
Исполнив волю москвича?..

„Амнистия“.

Будто в лесу выстрел, прошумел в газетах слух о якобы подготовляемой большевиками широкой амнистии для эмиграции. Прошумел и тысячным эхом отразился в душе эмигрантской... Откуда он вышел — неизвестно, ибо сами большевики об амнистии пока что, молчат, да иностранная пресса уж больно раскудachtалась на эту тему. Невольно возникает вопрос: очередная это советская провокация, газетная утка печати, или, в самом деле, правда? Подобные слухи об амнистии не новинка и повторяются из года в год перед октябрьским юбилеем „рабоче-крестьянской“ власти. Раньше им большого внимания не уделяли, ибо обстановка, в которой жила эмиграция, была несравненно благоприятнее сегодняшней, а это, в свою очередь, отражалось на идеологической стойкости и сопротивляемости духа против красных приманок...

Сейчас положение иное, иное и отношение эмиграции к амнистии. Известие о ее возможности произвело в эмигрантских рядах определенный психологический эффект. О ней много пишут, еще больше говорят и на разные лады жуют и пережевывают... Гладь эмигрантской жизни всколыхнулась, спора нет. Вера в близкое падение большевиков повывдохлась, а тоска по Родине за 10 лет скитаний за границей углубилась и вызывает

повышенный интерес ко всему, что так, или иначе связано с утраченной отчизной. Измотанная, издерганная, усталая душа эмигранта живо реагирует на всякую, даже малоправдоподобную возможность свидеться с родной сторонкой...

А еще более веским фактором в данном случае выступает экономический момент. Мировой кризис, подобно прогрессирующему параличу, охватил экономическую структуру всего человечества, привалив своей тяжестью в первую голову трудящихся, а между ними, конечно, и эмиграцию, как наиболее беззащитный и бесправный элемент. Как евангельский расслабленный, лежит мировой хозяйственный организм на одре болезни и ждет, когда явится новый Спаситель, чтобы поднять его на ноги... А под этим одром, волею судьбы, оказалась российская эмиграция!

Большевики, всегда отличавшиеся тонким знанием человеческой психологии, великодушно учитывают создавшееся положение и были бы они не большевики, чтобы не использовать его в своих целях. Это и является одной из причин, почему они, столь скупые на подарки, вдруг расщедрились и готовы подарить эмиграцию красным яичком к красному дню (красный октябрь).

Но были бы мы плохими знатоками советской «души», чтобы не глядя на тринадцатилетний горький опыт, так сразу и поверили в красную искренность! Без цели большевики никогда ничего не делают. Красная амнистия это выстрел, которым они надеются ухлопать сразу не двух, а по меньшей мере дюжину зайцев...

Что ожидает тех, которые откликнутся на красный призыв и поедут?

Что ожидает казаков, которые вздумают возвращаться в СССР если только слухи об амнистии получат свое реальное воплощение? Думаю, что это прямые кандидаты в «смертники» и на высылку в «лагери смерти»... Есть огромная разница между эмигрантами-казаками и русскими эмигрантами. Русская эмиграция — сплошь неделимцы. Большевики тоже «неделимцы». Расхождение между красными и белыми неделимцами только идеологическое, но не принципиальное: одни исповедуют коммунистическое «крело», другие его не приемлют. Не смотря на это расхождение, между теми и другими есть не мало точек соприкосновения... Главная из них — несправимый империализм. Стоит белым слегка подурманиваться и чуточку покраснеть, а красным малость побледнеть и тогда те и другие к взаимному удовольствию станут розовыми и радостно бросятся друг другу в объятия. Разве не показательно, что некоторая российская эмигрантская печать отнеслась к амнистии далеко не отрицательно. Некоторые газеты прямо советуют рядовой эмиграции ехать в Россию... Прежняя непримиримость повидимому выдыхается. Недалек тот час, когда определенные круги российской эмиграции свернут знамена борьбы и подадут большевикам руку, чтобы служить новому своему хозяину, ибо этот хозяин продолжает ту же великодержавную политику, что и погибший старый... И в этом не будет ничего удивительного, ибо для эмигранта-неделимца из всех существующих скорпионов самым страшным является распадение «единой неделимой». Из страха перед этим пугалом они протянут руку не только большевикам, но самому дьяволу со всей его родней. А что касается вопроса, где придется служить и работать, то для русского эмигранта этот момент роли не играет. Он — неделимец и в какой бы угол огромного советского государства его не затащили, он будет чувствовать себя дома. От Тихого океана до Полесских болот и от туманного Мурмана до граници Персии — всюду матушка — Россия...

Не то казак. Понятие «родины» для него охватывает только его родимый край. Большевики это чувствуют, знают о казачьем сепаратизме и боятся его, как всякого вообще сепаратизма... Поэтому они неуклонно ведут политику расказачивания казачьих областей. Если казак будет даже высококвалифицированным работником, они не пустят его работать для родного края, а «командируют» куда нибудь на европейский север, или в Сибирь. И здесь «на родине» будет чувствовать себя казак еще больше на чужбине, чем где нибудь в Кана-

де, Аргентине, или в Австралии... Тоска по настоящей родине сведет его с ума и заставит либо застрелиться, либо самовольно сбежать домой, а там пристрелят его другие, специально для сего приставленные... Большевикам известно о вольно-казачьем движении за границей и они ревниво за ним следят. Если казак однажды попадет им в руки, живьем его не выпустят...

Но допустим даже, что казаку — возвращенцу подвезет и его оставят работать в родимой сторонке. Кругом новые люди, чужие, незнакомые и враждебные всему казачьему... Само казачество придушено, замучено, распылено, под спудом... Найдет ли казак, свободобинный и гордый сын героического народа, в себе столько христианского терпения и кротости, чтобы безропотно гнуть спину перед пришельцем с севера, а то, еще хуже — перед потомком выходцев из далекой земли обетованной... Не закипит ли кровушка буйная, не разыграет ли сердце удалое молодецкое, не подымет ли рука смелая, чтобы наказать дерзкого, наглого завоевателя, безнаказанно хозяйничающего в чужом доме. Как ни плохо живется нам на чужбине, все же в нашем сознании успел сложиться известный правовой уклад, представление о своих и чужих правах и обязанностях... А тут человек вдруг попадет в обстановку, где за ним вообще никаких прав не будут признавать, кроме разве права своей жизнью и костями лечь во славу пятилетки...

А если бы захотел уйти, то уйти будет труднее, много труднее, чем войти, ибо там человек не свободный гражданин свободной страны, а часть живого инвентаря, казенное имущество, тяглая скотина государства, которое вправе делать с ним все, что найдет нужным.

Нет, братья-казаки, возможно, что большевики и подкаются к нам со своим подарочком — амнистией, но бойтесь красных Данайцев, дары приносящих. Здесь у вас ничего нет, зато есть свобода, там ее не будет. Здесь если ничего вам не дают, так ничего и не берут, там ничего не дают, но все берут, вплоть до жизни... Здесь если работаешь, так на себя работаешь, там работать будешь на страшного, кровожадного, ненасытного и неумолимого Молоха — СССР. Лихолетье не вечно, авось переживем его, но если послушаемся красных улещиваний и попадем в красный силос — конец всем надеждам, стремлениям, ожиданиям и целям... Красный омут закроется над нашими головами и над головами всего казачества навсегда!

Бойтесь же красных Данайцев, дары приносящих, ибо сердце у них — камень, и душа — темная ночь...

Б. Попругин.

Как гибло Донское Войско.

(Продолжение).

VIII.

Издавая на протяжении многих лет официозы К. С. (См. Ин. Лист, Сводки и Вест.) без участия казачьей общечественности, как бы подчиняя казачье мнение своему «верую», г. Мельников хотел заставить казаков, чтобы его слова принимали за незыблемое. Такое явление заставило казаков уклоняться от слушания проповеди Мельникова и временно принять ту или иную политическую окраску: николаевцев, кирилловцев, респ.-демократов и социалистов. (См. Ин. Лист, Св. и Вест. от 1924 до 1927 г.) «Временная политическая окраска» повела казаков к известным «Союзам»: «Союз возрождения Казачества», «Союз Единства Казачества», «Союз казаков-земледельцев», «Союз сохранения Казачества», казаки Республиканско-демократического Объединения, казаки «Крестьянской России», казаки «Национал-Патриоты» (См. Вест. № 10 стр. 11 и В. № 14-15 стр. 22) и казаки «Общественного Представительства» (См. Р. К. № 6, стр. 42 от 1929 г.). Такоедробление было занесено на страницы Вестников Мельниковым и до появления самостоятельных с их печатным органом он молчал, молчал потому, что было ему выгодно молчать, ибо иногда пользовался, смотря по ходу политических событий, их полдерзкой и в особенности в дни Зар. С'езда (См. В. № 4 стр. 10 от 1926 г.).

В те времена он был очень доволен своей работой, ибо часть казаков использовал на политическом фронте, натравив на не использованных и разбил последних. Он великолепно знает и учитывает, что Казачество можно разбить или погубить, только руками казаков и описывая измену Миронова Дону, он как бы предупреждал на будущее казаков: „Никто как свой. И в далеком прошлом и в близком били свои, и если в будущем Казачеству суждено будет погибнуть, не существовать — добыть только свои... Чужие? Никогда. — Не потому, что не хотят (очень хотят), а просто не справятся“ (См. Ин. Лист № 10 стр. 26 от 1924 г.). В конце концов ссорка „стратега“ Мельникова по дроблению Казачества была „учена“ казаками. Поэтому он на пути своем снова встречает казачье препятствие и ему ничего не остается делать, как снова начинать дробить казаков и лепить непослушным этикету и он их лепит: „отщепенцы“, „сапы“, „омерзительны“, „презренные“, „уроды“, „главари“, „выродки“, „кошуну“, „ничтожество“, „агитаторы“.

Всю вину за свои неудачи, он валит на самостийников: „Вред причиняемый отчасти уже причиненный самостийниками, многообразен: они вносят раз'единение в казачью семью“ (См. Р. К. № 7 стр. 18, от 1930 г.). Как бы забывая, что он Пр. Д. Пр-ва и в то же время мимоходный „председатель“ К. С. По непонятным причинам он обвиняет самостийников в кошунстве и советует им мертвых оставить в покое: „Мертвых надо оставить в покое“. О кошунстве ген. Богаевского (в том числе и Мельникова) „В. К.“ одновременно отметило статей: „На защиту Прародителей“ (См. „В. К.“ № 59). Чтобы г. Мельников и впредь помнил и не вызывал казаков на вторичные доказательства, еще раз напомним, кому надо оставить мертвых в покое.

В 1928 г. по случаю празднования Войскового Праздника он заблаговременно казакам напомнил: „Напоминаем, что приближается день Войскового Праздника — Донского и Кубанского Казачьих Войск. В виду того, что ближайшее ко дню праздника воскресенье приходится на 14-ое октября по новому стилю, 14-го мы и отмечаем его. (См. В. № 16-17 стр. 4). Но... накануне Войсковых Праздников, казаки встречают в русских газетах статейку такого содержания: „От Донского Атамана“. Она гласит: „В виду задержки с моим возвращением в Париж, празднование войскового праздника Донского и Кубанского войск, назначается на воскресенье 21 октября. В этот же день состоится моя беседа по поездке на Балканы и обед по подписке. О месте и часе будет сообщено дополнительно. Ген.-Лейт. Богаевский“. (См. Пос. Нов. № 2760 от 1928 г.). Казаки в Париже знали, что ген. Богаевский свою поездку по Балканским государствам закончил к началу сентября и во второй половине этого месяца был в Париже и он писал: „К началу сентября с. г. я закончил свой почти четырехмесячный об'езд казачьих колоний С-Х-С. и Болгарии“ (Вест. № 16-17 стр. 5). Таким образом до празднования Войсковых Праздников у ген. Богаевского в распоряжении было достаточное время и указывать на задержку сомнительное основание, а Мельников, как ближайший помощник и советник его, не сумел предупредить последнего от кошунственной проделки — переноса Войсковых Праздников с 14 на 21 октября. Этой проделкой кошуну сдвинули могилы Прародителей и могилу Ат. Каледина, которого ныне они с придиркой к самостийникам фарисейски защищают.

В следующем Вестнике № 18-19 на стр. 8 описывают торжества Войсковых Праздников в Париже в 1928 г. и умалчивают о своей выходке над костями тех, которых мы еще недостойны и пишем, что они „вспоминали прошлое“ и как видно у Мельникова все заключается в квартете: „Громадный успех имел Донской квартал“... После этого, пристало ли ему давать наиздания и бросать незаслуженные упреки по адресу тех казаков у которых историческое прошлое — святое-святы и писать бред ожиревшего сердца: „Любители раз'единять Казачество, вбивают клин между инако мыслящими, стараются и на этом вопросе разбить Казачество на две группы — празднующих 1-го и празднующих 5-го октября“...

Не постеснялся он вторично бросить кивок в сто-

рону Войсковых Кругов и в сторону Кубанской Рады, что они „за 2-х летнюю свою вполне самостоятельную деятельность, не сочли нужным это сделать — и не приняли соответствующего постановления и сами праздновали 5 октября“ („Р. К.“ № 11, стр. 32 от 1930 г.). Не понимает Мельников, что если кораблю суждено идти против течения и бороться со всеми невзгодами встречающимися на своем пути, но на корабле оказался плохой капитан и пустил его не против течения, как бы это надо, а по течению, то впоследствии отвечает за перемену маршрута не корабль, а капитан. К подобным „капитанам“ у себя, среди Донского Казачества, я отношу первым Мельникова, а вторым Харламова. Войсковые Круги „не приняли соответствующего постановления“, так написал он, а какое сейчас принял постановление Мельников, от имени 152 каз. организаций вошедших в К. Союз, по освобождению или по спасению Родных Краев?

Если не принято конкретных постановлений и реальных действий по освобождению Родных Краев, то почему? Потому, что снова капитанит Мельников. Я вынужден предупредить плохого „капитана“, чтобы в будущем не повторились бывшие уже „кивки“. Он „любезно“ нас приглашает быть в день Войскового Праздника „вместе“ и не говорит в какой же день и кажется мне, что зазорно будет сидеть вместе в одной хате с подобным человеком, столько принесшим зла Казачеству. В будущем чтобы не квартировали на Войсковом Празднике и не капитанили, а поэтому говорю: „За Дом Покрова Пресвятыя Богородицы“. Так сказал Атаман Кондратий Булавин.

Мельников в роли мирового Судьи Качалинской Ст-цы (1908-1910 г.) и выносит обвинения самостийникам во всем, в том числе и в подрыве атаманского авторитета и, в частности, в клевете: „Казаки выборному атаману верят — и самостийники решили попытаться подорвать эту веру, уронить атаманский авторитет. Для достижения этой цели к услугам людей неразборчивых в средствах, существует давно уже испытанный путь: путь клеветы“ („Р. К.“ № 6 стр. 13 от 1930 г.). После медвежьих услуг разборчивых людей над могилами наших предков и отцов, надо ли Мельникову говорить и писать об авторитете ген. Богаевского и кто его авторитет роняет. Ведь Богаевский сам опровергает Мельникова, свидетельствуя о преданности самостийников идее атаманской власти: „И одновременно — в других статьях — выражение преданности идее атаманской власти“ (См. Возр. № 1522).

IX.

Касаясь Юго-Восточного Союза, Мельников на стр. 25 „Р. К.“ № 6 громогласно заявляет казакам, что он знаток дела: „Я говорю это с полным знанием дела, ибо, занимая в тот момент высокий пост Председателя Дон. Войскового Круга, был делегатом Дон. Войска на Моск. Гос. Совещании и ехал из Москвы вместе с Алексеем Максимовичем в его особом вагоне“. О трагическом времени для Казачества много сказано в Дон. Летописи № 2 и сказано на пользу „кровной“ и во вред Казачества. И снова Мельников говорит во вред последнего. Он утверждает: „Ни о каком независимом от России Юго-В. Союзе А. М. Каледина не думал“. Открою 14 стр. „Ин. Листа“ № 10 от 1924 г., где тот же Мельников писал о Юго-Востоке: „А так внешне... совсем „контр-революционерами“ стали: осуществляют мысль Атамана А. М. Каледина („Юго-Восточный Союз“).“ Из Ин. Листка № 12 от 1925 на 14 стр. Мельников вторично сообщал казакам об идее А. М. Каледина: „Как мы уже сообщили, большевики объединили в одно целое земли Донского, Кубанского (с Черноморием) и Терского казачьих Войск, Ставропольской губернии и горцев Северного Кавказа, образовав из них Северо-Кавказский Край (Калединский Юго-Восточный Союз)“.

Посмотрим теперь что думал и „пророчествовал“ казакам ген. Богаевский о Юго-Востоке: „Остановлюсь немного на фразе полк. Красовского об „усмирении“ лимитрофов и Юго-Востока. Она характерна для наших крайних правых, мечтающих о том, что они скоро придут в Россию — „усмирять“ кого-то. Не лучше ли бы-

ло бы чем страдать под игом сов. власти, всех борющихся с большевиками, если бы наши казацкие области были бы теперь на положении Эстонии, Латвии и др. независимых лимитрофов?" (Осн.: см. Вест. № 9 стр. 2)

Казаки не гадалки и не собираются приписывать или отгадывать кто и что думал или думает, но верить Мельникову трудно, а поэтому обратимся за справкой в Донскую Летопись № 1, где от имени Экономического Комитета возрождения Юго-Востока говорится о главных целях Юго-Восточного Союза. Страница 287 гласит: „Этот Край является казацким и по имущественному положению в нем казачества. Ему принадлежат на праве собственности громадные земельные пространства с их недрами“. Теперь, другое об общих выводах и заключениях Юго-Восточного Союза из Дон. Лет. № 2 стр. 291, где сказано: „В заключение необходимо остановиться на том — была ли идея Юго-Восточного Союза только в головах казацкой интеллигенции, как утверждает это во 2 томе Истории Русской Смуты А. И. Деникин, и потому она не удалась, или эта идея имеет более глубокие корни в казацких массах и она есть не только эпизод прошлого, но имеет и будущее“. Для нас, казаков, в настоящее время главное будущее, это есть наши Родные Край, в которых казацкая масса целыми веками имела и имеет глубокие корни и что это не „эпизод прошлого“, а казацкая Идея, ведущая к казацкой действительности.

X.

В прошлом казаки не только видели, но и пережили трагедию Р. Краев, как плод политики Мельникова и переживаем сейчас с небольшой разницей. Если заменить фронт гражданской войны 1917, ссылкой наших братьев-казаков на Соловки и в Сибирь и проведем дальнейшие параллели, то получим в настоящее время политический фронт конца 17 и начало 1918 г. г.

В 1917 г. Мельников на ответственных донских постах и сейчас он, по несчастью, на ответственных постах. Тогда социал. есаул Ногаев самозванно выступал от имени Казачества на М. Совещании, в совете солд. и раб. депутатов и агитировал среди казаков. Мельников по этому поводу в Вест. № 11 на стр. 25 писал казакам: „На Московском Государственном Совещании в августе 1917 г., „отличился“ есаул Оренбургского Войска Ногаев, выступивший с возражением против речи А. М. Каледина и заявивший, что казачество идет за крайними левыми“. Ныне проф. Марков выступает на русск. общ. собраниях и самозванно, не будучи уполномочен казачеством, приветствует от имени последнего русск. левых политических деятелей: А. П. Марков — приветствие от демократического казачества (См. „Пос. Нов.“ № 2903 стр. 1). Г. Марков разезжает по зарубежным каз. Ст. и Хут. с агитационной целью, как Ногаев по сов. раб. и сол. деп. и агитирует против казаков, защищая Осн. Зак. казацких Войск (Пос. Нов. № 2804). Неоднократно он себя выдавал на страницах газ. „Пос. Нов.“ за представителя общеказачьего сельскохозяйственного союза, как умершей организации, что было уже отмечено в журн. „В. К.“ № 40, а сейчас выдает себя за ген. секретаря К. Союза, вопреки параграфу 9 Уст. К. С. (См. Св. № 3 стр. 25). В те времена в Донской столице Мельников призывал казаков защищать Россию и тех политических деятелей, по вине которых была пролита казацкая кровь в Петрограде. Для защиты русского достоинства он обращался к казакам с воззванием, как предс. Дон. В. Круга, тушуя цель Казачества и истинное положение дел на В. Круге, непослушных казаков обзывал фронтовиками. Они ему и сейчас снятся (см. Вест. № 4 стр. 23 от 1926 г.). Сейчас, как в прошлые годы, Мельников тушет положение дел Каз. Союза, призывая казаков защищать тех, по вине которых, казаки стали нищими.

Призывы и обращения Мельникова к казакам в 1917 г. были направлены от имени Войскового Круга и в настоящее время от имени Каз. Союза и носят ультимативный характер с требованием поддержки живым: „Зарубежное казачество должно отгородиться, отмежеваться от самостийников указанного выше толка. Казацким организациям, хугорам, союзам, группам и

иного наименования организациям — если они не желают, чтобы их принимали за самостийников — необходимо заявить во всеуслышание, что они отрицательно относятся к пропаганде самостийников...“ (Р. К. № 7 стр. 20).

В былые годы слабо отзывались казаки на призыв Мельникова и др., а собравшись в Донской станице и ознакомившись с положением дел, они пришли к заключению, что кроме России и тех бежавших от нее, как не желавших ее защищать делом, защиты Родных Краев нет. Разбитые на фронтовиков и стариков, казаки с грустью разошлись по домам. Таким образом, сплетенная Мельниковым политическая „паутина“ и впоследствии окутавшая, подобно пауку мух, трех выборных Донских В. Атаманов, угробила их. Наступили красные ночи для Донского и всего Казачества.

И, как в роковой 17 год на призыв Мельникова Донское Войско не оговзвалось, так и сейчас из 152 каз. организаций, вошедших в состав К. Союза и из чила Донских, отзывались две с неполной подписью Ст. Правления (Р. К. № 6 стр. 47 и № 8 стр. 25 от 1930 г.). На протяжении всей эмиграционной казацкой жизни Мельников плел ту самую паутину, которая в известные нам годы, окутала Донских Атаманов, ныне эта же сеть на лицо в Р. К. № 6 и 7 и окутывает в настоящие дни, остальных Войсковых Атаманов двух казацких Войск. По этому поводу один из казаков, касаясь современной политической обстановки среди казачества, сказал: „Если бы Атаман Каледин воскрес, то он снова вынужден был бы застрелиться“. Аналогичный пример есть на лицо. Существовала в Париже Дон. Станица имени Ат. Каледина, (См. Св. № 1 стр. 1) но созданная Мельниковым обстановка среди донских казаков в эмиграции, умиртвила существование Калединской Ст. в Париже (См. В. № 10 стр. 11 от 1927). Мельников повторяет прошлое. В историю попасть трудно, но „влипнуть“ легко. Она некоторых людей учит, а Хлестаковых ребят никогда.

Ив. Скобелин.

Социальное или национальное движение движение Вольное Казачество?..

В частных разговорах, отчасти и в печати, не раз приходится встречаться с суждениями на эту тему. Иные говорят, что они — вольные казаки только в том случае, если в будущем казацком государстве руководящая роль будет принадлежать только земледельцам и что если государственный руль будет находиться в руках других каких нибудь казацких групп и класса, то... Одни говорят, что вольноказачье течение есть только национально-освободительное движение, которое заранее никаких уточнений относительно того или иного вида государственного устройства и роли того или другого класса не делает. Едва ли кто либо будет спорить, что вопрос этот шекотливый и от точного уяснения каждым вольным казаком этого вопроса в значительной степени зависит устранение многих нежелательных явлений. Чтобы иметь возможность обсудить это со станичниками теперь же, пока есть время, я и решился занять внимание их этим вопросом и изложить свои скромные соображения на этот счет.

Для меня, лично, нет никакого сомнения, что Вольно-казачье движение, в данный момент и в настоящем своем этапе, есть исключительно национально-освободительное движение. Цель Вольного Казачества — добиться Казачеству свободного государственного существования. И только тогда, когда эта цель будет достигнута возникнут, конечно, различные взгляды на виды государственного устройства и общественных взаимоотношений, а отсюда появятся те или иные социально-политические партии, отстаивающие мирными, парламентскими способами борьбы свои программные положения.

Пока же нет еще у нас государства, т. е. пока мы далеки от достижения основной своей цели — свободы национальной, все споры социального порядка есть только вредное недоразумение, вызываемое чрезмерной любовью к таковому рода политике или сознатель-

ное действие, рассчитанное на создание излишних трудностей в молодом национальном движении.

На это говорят, что тогда, когда Казачество добьется свободы, т. е. тогда, когда уже будет государство окажется поздно, так как, та или иная группа захватит власть и тогда „чорта с два у него возьмешь“. На это нужно ответить, что Казачество имеет настолько укрепившиеся виды общественного устройства в качестве исходного положения, что беспокойство это совершенно излишне. Конечно, само собою ясно, что в Казачестве ни монархии, ни коммунизма быть не может, а будет приступлено к созданию привычного вида государственного устройства, т. е. Войсковые Круги, Верховный Круг, свободно избранные населением, выборная местная власть и пр. А вот на самых Войсковых Кругах и Верховном Круге, безусловно, как и во всяком народном представительстве, возможны различные течения и группировки, в зависимости от различия взглядов. Ломать же копыя теперь по деталям и предопределять все, это все равно, что делить шкуру не убитого медведя или вызывать преждевременные роды из за любви к ребенку.

В данное же время необходимо все наши вольноказачьи силы направить только в сторону национального освобождения и на вольноказачье течение смотреть только как на национальное течение. Для меня такая бы политическая группа не взяла власть в Казакии, какой бы вид государственного устройства не был принят, кроме монархизма и коммунизма, как не имеющих в Казачестве корней (для России, например, монархизм другое дело), все будет приемлемо, ибо все будет лучше, чем то, что есть сейчас.

III. Ниминов.

О царских наградах.

Многоуважаемый г-н редактор, прошу Вас поместить на страницах журнала „В. К.“ для ознакомления братьев казаков с прежними царскими законами о наградах казакам за их затраты при снаряжении своих сыновей на службу „царю и отечеству“.

Я не стану перечислять все те клочки гербовой бумаги, на которой изливалась неискренняя похвала казакам за их верную и неизменную службу. Я остановлюсь на личной награде казаку, законом установленной, за разорение его собственного хозяйства и за нанесение ему лично всякого рода „оплеухов“ за его вольные и не вольные „грехи“.

На основании закона, казаки и вдовы казачки за исправное снаряжение на службу в первоочередные полки не менее трех сыновей за свои средства без обращения за помощью к станичному обществу, могли быть представляемы станичными атаманами к награде: рядовые казаки к производству в урядники, урядники и вдовы казачки — к награждению серебряной медалью с надписью „за усердие“ для ношения на груди.

Укажу на один характерный случай, имевший место в моей станице. Моим предшественником на посту станичного атамана в 1905 году было представлено к такой награде несколько казаков и одна казачка-вдова Наталья Г. Ситникова. После подробного расследования о „справедливости представления“ к столь высокой награде чиновником, командированным высшей Донской властью, некоторые казаки милостиво войскового наказного Атамана были произведены в урядники (помню, одному из произведенных тогда было 72 года), а вдова Н. Ситникова награждена серебряной медалью „за усердие“ для ношения на груди. Само награждение состоялось уже в бытность мою станичным атаманом в 1906 году. Вместе с высланной медалью было предписано взыскать с Ситниковой 7 руб. 50 к. и представить в Управление Окружного Атамана для представления таковых в Областное Правление по принадлежности. Вручая медаль Ситниковой (вызванной за этой наградой с хутора Г. за 35 верст от станицы), я предложил ей уплатить причитающуюся за награду сумму в двухнедельный срок со дня получения медали. Ситникова заявила, что у нее денег нет ни одной коп., — хлеб не родился, придется покупать не дальше, как

через м-ц; семейство состоит из 9 душ, сыны на службе, продать нечего... Ввиду такого бедственного положения, 7 руб. 50 коп. она уплатить никак не может, при чем добавила: да и зачем мне нужна эта побрякушка, если за нее еще и платить надо...

Зная, что Ситникова до исправления сыновей на службу имела хорошее хозяйство: деревянный дом с полным пристроем, 5 пар волов, 4-5 коров, 3 лошади, мелкого рогатого скота более десятка и около 100 овец, я командировал своего помощника Б. проверить хозяйство Ситниковой с участием хуторского атамана и понятых, составить акт и представить мне. Из представленного акта было видно, что хозяйство Ситниковой состоит: деревянный дом по оценке 150 руб., летняя кухня с базным пристроем 50 руб., одна пара волов 60 руб., одна корова 25 руб., три овцы 6 руб. и 2 козы 4 руб. Семейство Ситниковой: сама Наталья Ситникова 50 л., три сына на службе: Михай в Н. полку, Иван 24 л. в Н. полку, Сергей во 2-й отдельной конной сотне, дочь Мария 18 л., дочь Анна 15 л., сын Григорий 12 л., невестка Анна 25 л., дети ее: дочь 6 л., сын 4 1/2 л., 2-я невестка Федосея 23 л., дети ее: сын 4 л., дочь 2 л. Представляя переписку с актом Окружному Атаману, я в своем рапорте просил его ходатайствовать о сложении взыскания с Ситниковой в виду того, что хозяйство ее в настоящее время находится в самом плачевном состоянии. Вся эта переписка была возвращена для доклада станичному сбору, который должен указать, что можно продать из имущества Ситниковой, описанного в акте помощника станичного атамана, без расстройств ее хозяйства.

Станичный сбор, по обсуждении этого вопроса, в своем приговоре постановил: вдова нашей станицы Наталья Г. Ситникова, втечение 4 лет снарядила 3-х своих сыновей на службу Царю и Отечеству на свои личные средства, не обращаясь за помощью к станичному обществу, через что и сильно обеднела. Пожалованная ей награда, серебряная медаль, ею заслужена в полном смысле этого слова и не должна покупаться за деньги, а посему станичный сбор постановил: вопрос о взыскании через продажу имущества с Ситниковой 7 руб. 50 к. за пожалованную ей медаль отклонить и просить г-на Окружного Атамана ходатайствовать, где следует, о сложении этого взыскания.

Вся эта переписка с приговором ст. сбора Окружным Атаманом была возвращена с следующим его предписанием: взыскать с Ситниковой 7 руб. 50 к. через продажу овец, означенных в акте помощника ст. ат. Станичному атаману за неуместные выражения в приговоре сбора, принимая во внимание его безукорызненную прежнюю службу, на первый раз объявляю строгий выговор и штрафую на 5 руб.

И вот тут уже было приступлено к взысканию. Мною был командирован помощник мой Г. для объявления под росписку Ситниковой, что означенные в акте овцы через 14 дней будут проданы с аукционного торга, если она к этому времени добровольно не уплатит 7 руб. 50 к.

Вместе с возвращением помощника, в станичное правление явилась и награжденная Ситникова, бросив медаль на стол со словами: возьмите, г-н атаман, эту проклятую жестянку, она мне не нужна, и скажите, пожалуйста, чем я зимой буду кормить детвору... При этом рыдалась как ребенок и в истерике упала на стул. Глазья на льющиеся слезы убитой горем несчастной вдовы, я в душе проклинал все высшее начальство до самого царя и думал: ну, на чорта, в самом деле, нужна ей эта медаль, да еще тогда, когда нечего жрать... Созвал станичное правление и вопреки закона было написано постановление правления, по которому выписали сверх сметы в расход, в ссуду Ситниковой 7 руб. 50 к. Она в получении их росписалась, деньги я с перепиской, как взысканные с ней, представил по принадлежности, а постановление правления было потом доложено ст. сбору, который расход утвердил, а за тем по ее бедственному положению выданные ей в ссуду 7 руб. 50 к. постановил оставить без взыскания.

Вот видите, братья казаки, у царской власти это называлось наградой казакам за их разорение при снаряжении сыновей на службу Отечеству, у казаков

шанхайцев это называется быть якорем на окраинах Русского Государства, а по нашему, по-казацки, это просто грабеж, это издевательство и насмешка над Казачеством.

Вахмистр Войска Донского Афонин.

К братьям казакам.

Дорогие станичники, позвольте мне, вашему брату простому казаку, работающему с вами на заводе, сказать мое мнение. Я — казак. Для меня Казачество — родная мать, а Россия мачеха, а потому я казак, а не русский. Вы не смотрите, что некоторые наши верхи снова хотят вести под власть России Казачество. Этого уже не должно быть и вы на них внимания не обращайте, мало ли было всяких изменников, а следите за теми кто хочет соблюсти интересы казачьей массы, как народа. А как нам жилось под пятой русского „наказа“ мы уже знаем. Знаем также, кто нас довел до теперешней жизни, желая спасти не Казачество, а Россию. Теперь это надо оставить и начинать думать о себе прежде всего. Не верьте, братцы, что Богаевский говорит, что теперь под Россией будет хорошо.

Вот посудите сами. Возжигали лампаду на моги-

ле неизвестного солдата и русский журнал „Иллюстрированная Россия“ пишет, что все русские организации и части шли с русскими знаменами и флагами и „казаки с пестрыми значками“. Значит у русских — знамена и флаги, а у казаков — только пестрые значки. Тогда как мы знаем, что у нас есть нашим народом принятые и нашей кровью освященные национальные флаги и знамена.

Вот такое отношение здесь, а что думаете будет там, когда мы освободим Россию от русских и покорно отдадим свою судьбу в их руки? Да, просто заикнуться нельзя будет о Казачестве и его правах.

Дорогие братья, мы много пролили крови, обнищали, много нужд терпим, но еще окончательно не пропали, а потому давайте думать об интересе только родного Казачества и объединимся вокруг идеи казачьей независимости. Это и будет нам спасение. И наши деды много кровушки пролили защищая Казачество и все-таки донесли его имя до нас славным, а нас воспитали в любви к свободе, не опозорим же и мы имя казака и отстоим его свободу, чтобы не краснеть перед нашими детьми.

Всем вольным казакам и казачкам привет.

Вольный казак Болдырев И. (Франция).

Казачья эмиграция.

Ко всем кубанцам.

Всем вам известно, что в Земуне (Югославия) хранятся исторические регалии Кубанского Казачества, представляющие колоссальную историческую ценность. Но не всем вам, может быть, известно, что фактически хранителем кубанских регалий является сейчас только председатель Делегации по хранению регалий генерал Петр Иванович Кокунько. Еще менее, вероятно, вам известно, в каком тяжелом материальном положении давно уже (несколько лет!) находится этот восьмидесятилетний часовой, который хочет, как и все мы, и есть, и пить, которому, в его летах, слишком тяжело жить в нетопленном помещении, плохо одетым и обутым. А если часовому плохо, то может быть плохо и тому, что он охраняет.

О часовом сейчас не заботится никто. Тем самым не заботится никто и о тех вещах, которые он сторожит.

Редакция „В. К.“ предлагает кубанской эмиграции спасти историческое достояние тех Казачьих Войск (Запорожского, Черноморского, Линейного и Азовского), из которых повстало Войско Кубанское. Для этого, в первую очередь надо помочь часовому.

Можно было бы поступить так. Каждый казак, кому дорого свое историческое прошлое, отложит из своего бюджета каждый месяц хотя небольшую сумму и будет посылать ее регулярно П. И. Кокунько, а сей последний будет считать это долгом, подлежащим возврату на Кубани после возвращения туда регалий. Мы глубоко уверены, что от такого долга не откажется никакая будущая кубанская или всеказацкая власть.

Это — общая мысль, а детали пусть установит сам П. И. Кокунько.

Казаки! Вас часто призывают жертвовать на дела для вас чужие. Помогите своему делу!

Адрес П. И. Кокунько: Petr Kokuňko, ul. Vukova, 10., Zemun, Jugoslavija.

Сбор общеказачьей станицы в Скоплье.

Празднование всеказацкого праздника „Покрова Богородицы“ Скопльнская станица перенесла на воскресенье 11 октября, чтобы дать возможность всем казакам станицы участвовать на молебне и станичном сборе, т. к. в этот же день после молебствия атаманом станицы Я. С. Ковганом был назначен и станичный сбор для перевыбора правления станицы.

В 3½ часа дня, когда должно количество членов было налицо, заседание, в присутствии представителя местной власти, было открыто атаманом Я. С. Ковганом приветственной речью Е. В. Королю и Кубанскому Атаману, которым тотчас же были посланы телеграммы. После этого Я. С. Ковган обратился к казакам с краткой речью, полной чувства любви к свободному Казачеству и чистосердечного желания создать в станице одну могучую семью с общей идеей для каждого: „Прежде всего Вольное Казачество, а остальное может ждать...“

Его спокойные слова глубоко западали в душу каждого, в ком бьется казачье сердце, и его призыв к тесному объединению ради общего блага, ради которого казаки из за личных житейских интриг не должны расходиться по разным чужим политическим путям, заставили каждого подумать о глубокой истине сказанного.

На предложение атамана высказаться, к собранию обращается старший помощник атамана станицы, Михаил Игнатьевич Портнов, с следующими словами:

Прежде всего, я, как верный сын Вольного Казачества, считаю своим долгом поздравить Вас, дорогие братья одностаничники, с древне-казачьим праздником и обращаюсь к Вам с несколькими словами, в которых постараюсь поделиться с Вами своими взглядами, как с братьями одной великой казачьей семьи, к которой мы все, здесь находящиеся, принадлежим.

Много нас злая судьба заставила пережить суровых дней, много еще ожидает нас впереди, может быть, и еще тяжелейших переживаний. Напрасно некоторые из нас думают, что все уже кончено, что выстрел был и пуля нас миновала и мы можем жить тихо, хотя и впроголодь, и закончить спокойно жизнь. Нет, ошибаются те, кто хочет жить узко личными интересами и

заботами о куске хлеба. Нам нельзя думать, что находимся у тихой пристани; ибо буря мировой непогоды может смыть нас с той голой скалы среди неспокойного моря, на которую мы ею были выброшены, и разрушить вновь свитые нами ветхие гнезда; а до пристани еще далеко, но этот путь мы должны пройти, по возможности, не потеряв ни одного члена нашей казачьей семьи.

Но, по чему ориентироваться? Как много заманчивых, но в тоже время и обманчивых миражей вокруг нас, каких чудес не сулят нам, каких сказок прошлого не шепчут нам на ухо, — но, не забудьте: по старым векам пойдете, — дальше этого места не уйдете; жизнь идет вперед, но не пятится назад; родятся новые поколения, а не воскресают умершие, а все родившееся стремится своим новым путем к жизни и просвету. Так с кем же нам идти? С теми ль, кто движится к свету вперед, или же быть нам с теми, что стали на месте и копают себе яму, чтобы зарыть свое брренное тело, уже не способное к дальнейшей борьбе и прогрессу? Здравый рассудок каждого, кто чувствует в себе силу, подскажет, что нужно идти вперед за теми, кто идет к светлomu будущему личной и общественной жизни.

Могут спросить, кто же те, которых мы должны брать, как пример, — не провокаторы ль они, не лжецы ли какие, а может быть то большевики? как это теперь вообще принято клеймить этими словами со стороны наших врагов тех, кого они боятся и — кто не идет с ними в могилу прошлого. Нет, то не могут быть ни лжецы, ни провокаторы, т. к. души их еще чисты от пакостей жизни — они в тяжелых условиях честным трудом своим стремятся к источнику святой истины просвещения; и не большевики, ибо большевизм — исчадие русское, а они же дети нашего казачьего народа, который боролся, борется и будет бороться с поработителями нашей народной свободы, это наше новое поколение, это вольные казаки, молодежь, что стоит на высоте, достойной нашего Казачьего народа — народа, над которым имел старческую наглость бульверный романист Краснов, к стыду нашему, бывший атаман Великого Войска, в последнем своем романе „Выпаш“ выразиться так: „Объявились новые казачьи „Народы“ и стремились разодрать, в угоду врагу и без того растерзанную Русь, на мелкие клочки“...

Вот вам бывший вождь, вот вам генерал, который, спасая единую Русь, предал свой народ, приведя его под оху единой неделимой СССР, и, мало того, и издается в угоду своему господам над растущим духом самостоятельности Казачества.

За этими ль нам идти двуличными вождями? — Нет, не следует вольным казакам идти за изменнической старшиной — им пестрый мундиришко дороже Войска, а светлые побрякушки наград из вражеских рук — их цель жизни, к которой они стремятся и готовы их получить даже ценой казачьего рабства, топчась вокруг и около матушки, хотя бы и большевицкой, но единой неделимой России, не обращая внимания на то, что там и до сего времени льют кровь родного нам казачьего народа. Я в 1926 году, пройдя от Сибири через Москву до Польши, всюду встречал эту продажную гниль, служащую за мизерную подачку большевицкой орде: „служим, мол, лишь бы нас не трогали“.

А что с казачьим народом, как он? что думает?.. А думает он горькую думу, с кем он поделится ей, кому попеняет на горькую участь побежденного, кто даст совет, и светлый луч надежды, кто прольет в его затемненную неволей измученную душу? Никто! Он брошен, он гибнет под напывом как никогда ненавистной ему пришло „загребущей“ русью; всюду проклятая „русь“ — и в поле, и в станице, и даже в хате, и в душе казачью старается проникнуть, но хода нет ей в Святое Святых казачьего народа.

Мы здесь, имеем светлый пример в лице нашей просвященной молодежи; мы имеем свое родное печатное слово „Вольное Казачество“, в котором каждый из нас может смело высказать свои свободные мысли. И все-таки, многие из нас не идут к свету, а как мыши летучие летят к старым пням и глубже забиваются в их темные гнилые дуплы, боясь лучей солнечного света. Многим из нас приятней слушать старое брз-

жание их превосходительств и высокоблагородий, когда они ругают нас, самостийников, ругают нашего атамана станицы, даже влезая в его личные семейные дела. Редко кто осмелится одернуть дерзкий наскок обнаглевшего противника, предложить ему самому на себя полюбоваться в зеркало.

Ведь эти лицемеры и клеветники не в состоянии ничего сделать для блага Казачества, а занимаются только грязными бабскими сплетнями. Их старые заскорузлые взгляды не могут помириться с тем, что мы все равноправны и выбираем атамана не по чинам, как это было раньше, а по уму и способностям; нам нужен общественный работник, а не чиновное пугало; нам нужен казак душой, а не казак по кличке.

Ведь не выматывает атаман станицы силой последнего трудового гроша у нас на разношерстные фонды, которых расплодилось за последнее время, как крыс перед голодом.

Сколько передавали вы трудовых грошей и что с того получилось? да получилось дохлое дело — от суммирования этих грошей в сумме получился нуль. Тоска!!

Где же у них честь, о которой они так любят кричать всюду и всем? Где же стыд?

Итак, в заключение должен еще Вам сказать, что мы, вольные казаки, должны, поддерживая друг-друга, организовать свое общество, выбросив элемент вредный нам, и стараться всеми силами устроить и обеспечить свое будущее. Кто не с нами, тот против нас — середины нет! Довольно пустых надежд, нужно постепенно приближаться к делу; выход пока есть, не нужно терять время!

Последние мои слова — призыв к единому нашему Вольно-казачьему пути; привет вождям и тем, кто смело идет за ними и спасибо нашему атаману за его честный труд.

А Вам честь и слава, что без ошибки выбрали достойного атамана, а не бездельника, или разряженного в ордена манекена.

Аплодисменты со стороны слушателей были доказательством, что слово было понято, и служили наградой говорившему.

Далее просит слово уважаемый наш станичник Иван Меркулович Ляпин. Пылкая казачья душа его не могла вытерпеть, чтобы не поделиться с своими братьями казаками своими душевными переживаниями. Будучи вполне солидарен с предыдущими речами г. г. Ковгана и Портнова, он точно так же от чистого казачьего сердца высказал свои мнения. Кратко, но сильно, на основании исторических фактов прошлого казачества, нарисовал довольно ясную картину перед слушателями — картину далекого прошлого и недавнего прошлого Казачества; он провел перед глазами слушателей тот путь Казачества, каким оно шло когда то и, остановившись на последнем его шаге настоящего, заметил, что путь, когда Казачество, давая для России все, не получает за это ничего, — рабский путь, и нам он, свободным казакам, оскорбителям и что мы должны идти вольно-казачьим путем свободных граждан своей Республики, а не данниками и рабами царей и их дворян или других каких бы то ни было правителей чужой нам России. И в заключительных словах советует чаще собираться всем вместе, чтобы делиться своими взглядами и быть в курсе общей подготовительной работы наших руководителей.

Атаман станицы предлагает собираться два раза в месяц, в связи с выходом два раза в месяц и журнала „Вольное Казачество“. С мест предлагают собираться каждую субботу, кто может, а 2 раза всем обязательно, на что было изъявлено согласие.

После ревизионная комиссия сделала доклад о состоянии станичных сумм; доклад этот был собран принят и предложено было приступить к перевыборам станичной администрации. Споров и прений по этому поводу не было и станица единогласно постановила выбрать: 1. атаманом станицы: Якова Степановича Ковгана (куб.); 2. старш. помощник.: Михаила Игнатьевича Портнова (Уральск. каз. Войска); 3. младш. помощником: Николая Семеновича Волкова (куб.), и ревизионную комиссию в составе: М. Ф. Гноевой, И. Е. Чикин,

И. М. Ляпин; заместители: И. Федоренко и Г. Курило (все кубанцы).

После перевыборов, Я. С. Ковган поблагодарил станичников за доверие, еще раз напомнил о гражданском долге каждого дружно поддерживать свое правление в его работе. После этого сбор объявлен закрытым.

Собравшись потом за общим праздничным столом, станичники за стаканом вина дружной семьей отпраздновали свой историческо-национальный праздник.

М. Брюховецкий.

Казаки в Греции.

Ф. Г. Колбасин (слева) (куб.) и Я. П. Копылов (дон.) — служащие гостиницы в Подгари.

В Лионе.

В гор. Лионе, после 4 встреч и знакомства вольных казаков, устроенных представителями журнала „В. К.“, возникла потребность в организации В. К. гор. Лиона.

На 4 октября было назначено организационное собрание, на котором были произведены выборы правления „Союза Вольных казаков города Лиона“.

Многие не могли присутствовать, ибо работали, о чем предупредили заранее, но считать их в списке присутствующих на организационном собрании было не допущено, ибо при прочтении устава, параграф об избрании членов правления, гласит: никакое передоверие голосов не допускается. Были произведены выборы и избранными оказались: Председатель Союза хор. Дон. В. Настоящев.

Два товарища предс. Союза: Подх. Куб. В. Гавриленко и хор. Дон. В. Абрамов; секретарем — Мельников (донец) и казначеем — Сотников (куб.)

Первый параграф устава Союза В. К. гор. Лиона говорит: Союз В. К. гор. Лиона есть казачья национально-политическая организация, ставящая себе целью пробуждение казачьего самосознания путем докладов и лекций, устраиваемых Союзом, и полностью принимает программу В. К. как то: Восстановление самостоятельного казачьего государства Казакии — с ее географическими границами, указанными в журнале „Вольное Казачество“.

Членами Союза В. К. могут быть, все казаки и казачки всех казачьих Войск.

Устав, принятый Союзом, содержит 14 параграфов. Все остальные параграфы содержат в себе правила обыкновенного казачьего устава.

11 октября в помещении Союза В. К. гор. Лиона сделал доклад на тему „Чем стало казачество“ г. Шамба Балинов, прехавший из Парижа. Его доклад в настоящий момент сделал большое дело уже потому, что Союз оправдал свое назначение с первых же дней.

Публика была по приглашению.

Доклад был выслушан с большим вниманием, а докладчик награжден дружными аплодисментами.

Председатель собрания, А. К. Ленинов, благодарил в своей речи госп. Балинова. После того говорили: Председатель Союза В. К., Т. Хоруженко и Сотников.

Из противников В. К. не выступал никто.

Со мной, на мою окраину города, в трамвае ехало 5 человек. Все были в возбужденном состоянии под впечатлением доклада и ни как не хотели расходиться, но одно слово „безработица“ заставило всех идти домой (а то еще опоздаешь на работу!).

Страшный зверь, эта безработица, — чуть опоздал, вот и рассчитали, а за этим и голод, ибо устроиться потом нет никакой возможности...

(Соб. кор.)

В Белграде.

18 октября в 9 часов вечера в помещении Русско-го Офицерского Собрания был устроен казачий вечер с концертным отделением, специально для которого был выпущен из Ниша Кубанский хор под управлением полковника Рудько. Организаторами вечера был комитет по созданию Кубанского Дома в Белграде, во главе с полковником Тихоцким. Весь приход с вечера поступил в фонд создания этого дома.

Концертное отделение почти целиком состояло из выступлений хора, что делало его несколько однообразным. Исполнение вещей хором очень хорошо. Техника и подбор голосов стоит на большой высоте. Печальные мысли вызывает только репертуар хора. Неужели же мы, казаки, так бедны казачьими песнями, что приходится пробавляться солдатским „Пусть свищут пули?“... И не характерно ли, что наибольшим успехом у публики пользовались именно, увы, немногочисленные (всего две) казачьи песни, исполненные хором!

(Соб. кор.)

Жизнь кубанской станицы в Белграде.

11 сего октября в Белграде состоялся отчетный сбор Кубанской имени Кошевого Атамана Сидора Билого станицы. На сборе присутствовало до 50 казаков станицы. Выслушав отчеты Правления и ревизионной комиссии, сбор утвердил оба отчета и вынес Правлению одобрение и благодарность за его работу. Затем были произведены, путем закрытого голосования, перевыборы. Атаманом станицы единогласно был избран (8-ой год подряд) П. И. Курганский. Затем большинством голосов были выбраны: помощниками П. И. Булатецкий и М. С. Черный, писарем Г. Д. Шелест, в ревизионную комиссию Л. В. Зверев, И. Я. Кишка, Н. И. Бородычев, в приемную комиссию И. Я. Лаштабега, А. Н. Мороз и Г. И. Бондарев.

После перевыборов сбор приступил к обсуждению вопросов, стоящих на повестке дня, среди которых главными были: поселение на землю и устройство войскового праздника. Присутствовавшими была собрана небольшая сумма денег для поддержки неимущих казачьих стариков.

(Соб. кор.)

Казачий бал-концерт.

В Белграде, в день быв. Войскового Праздника, был устроен вечер в Русском офицерском собрании. Забавным контрастом среди многочисленных портретов коронованных особ и гербов быв. Императорской России было Станичное згямя Студенческой Станицы, символизирующее единое Казачество и составленное из четырех цветов, принятых за основные в знамени Казакии: синего, малинового, желтого и зеленого.

Чья была инициатива декорировать зал этим знаменем — не выяснено, так как все Правление на вечере не присутствовало, а згямя хранилось в Кубанской Канцелярии вместе со станичными студенческими регалиями. Правда, вывешено оно было на почетном месте, между Кубанскими флагами, но все же ему быть там было не место. Повидимому, здесь произошло какое то недоразумение.

Многие студенты хотели идти и снять его, но не сделали этого во избежание скандала. Наблюдение за

ним было поручено быв. атаману кадет Донского кадетского корпуса П. Мерзликину и представителю „В. К.“ в Банате Г. Алферову.

В Студенческую станицу передается знамя Булавинской станицы, оставшееся после ликвидации ее в городе Гаражде, с надписью: „Поклялись мы в жизни нашей за Казачество идти“.

Бандурист А. П. Черный играть на бандуре на этом вечере отказался...

(Соб. кор.)

Что такое „Войсковой праздник“ 18 (5 октября)?

Что праздник 5 (18) октября является в действительности праздником русского единонеделичества монархического толка, лишним доказательством тому является и празднование его в Белграде. На молебне 18 (5) октября, на котором присутствовали Кубанский и Терский Атаманы, при поминовении усопших, в первую очередь упоминались такие „вожди“ Казачества, как цесаревич Алексей, ген. Врангель и др. Даже именина Каледина, М. Богаевского и Караулова попали на конек.

Такое понимание празднования дня тезоименитства б. наследника ничем не отличается и от понимания казаков-младороссов, которые этот момент старательно подчеркивают („К. Набат“, № 2):

„День Войскового Праздника Донского и Кубанского Казачьих Войск имеет тот огромный смысл, что казачьи массы (!), побуждаемые вековым инстинктом неразрывности преемственности (!), продолжают праздновать его в день тезоименитства“...

Казачи-младороссы по крайней мере говорят откровенно и в этом вопросе не обманывают ни себя, ни других.

Монтаржи.

Станичный Сбор Общеказачьей станицы в Монтаржи под председательством атамана Санжи Борисовича Бембекова 7 июня с. г., рассматривая текущие дела станицы, затронул вопрос о том, что нужно искать пути материального улучшения казачьей эмиграции в Монтаржи. Третий год существования своего станица стоит на одной полумертвой точке.

Поднятый вопрос вызвал оживленные прения занявшие добрый час. Одни стояли за то, чтобы станица была тем же, чем она и есть, только станицей. Другие за то, чтобы создать что-то станицей. Верх взяло течение: станицей ничего не делать. А делать отдельной группой какое либо самостоятельное начинание.

Стали судить и рядить во что же вылить это начинание, и решили облечь его в Кооперативное т-во, с особым уставом, но... прибавкой к его заголовку: „при станице“. После этого подняли большие разговоры: что же открыть кооперативу: лавочку ли, как полагается, или ресторан и лавочку. Восторжествовало второе течение. Пошло установление размера паевого взноса. Прошел и он в 500 ф. Тут же вошли в группу учредители: атаман С. Б. Бембеков, помощник М. К. Попов, В. А. Извожиков, С. Б. Коломиец, Т. Н. Карнаухов, П. А. Фетисов, Н. Я. Жданов, С. С. Хныкин, Г. Н. Гажа, А. И. Шалимов, Филимонов, Маринин, Федякин, Норов, Талубаев и Самсонов. Избраны уполномоченные группы: Карнаухов, Фетисов и Самсонов, которым поручено составление устава, привлечение членов, изыскание побочных средств и приискание помещений для целей начинания.

Итак, будет, наконец, возможность станичникам, внося свою трудовую копейку, ждать, что паевые взносы не будут уходить куда-то, а будут еще и прибылями умножаться, в то же время делая общее казачье дело.

Дай Бог благому начинанию идти правильным казачьим путем!

(Соб. кор.)

Кубанці в Царгороді.

(Допис з Туреччини).

Здається не багато часу пройшло, — всього лише одинадцять років з останньої евакуації з Криму, коли в м. Царгороді Турецькому перебувала не мала кількість кубанців, — а скільки змін сталося... Зникли перш усього т. зв. „союзничкі“, зникли вигнанські табори, по котрим не мало перебувало наших козаків і... непомітно усі якось розпорошились... Більшість кубанців потягнула з Туреччини в Югославію, де-хто виїхав шукати волі за океаном — в Новому Світі, хто — во Франції, а де-яка кількість козаків, синів Кубані, залишилася на Туреччині, пристроившись: хто на фермах, хто на службах всіляких, хто в хорах церковних, хто-ж взявся за свою якусь працю або торгівлю... Словом є ще правда, не багато кубанців, розпорошених по м. Царгороду та по його околицям...

(1. (Злівого боку). Д. Г. Хвиля, 2. Сотник М. Забелло голова Укр. Громади на Туреччині.

— Думкою зібрати усіх козаків, або краще сказати, зв'язати усіх кубанців одним центром, занявся п. Хвиля, Денис Гаврилович, (станіці Холмської, Таманського відділу), бувший в минулому членом Краєвої Кубанської Ради.

Денис Гаврилович Хвиля — справжній козак-чорноморець в повному розумінні цього слова. Він любив свою Батьківщину, кохається в рідній козачій мові дідів-запорожців... Хвиля також цікавиться минулим козацтва і цілий час слідкує за рухом сучасної козацької політики...

Денис Гаврилович Хвиля в сталому зв'язку з Головою Української Громади в Туреччині — п. сотником (ранга Укр. армії рівна есаулові в Куб армії) Забелло Миколою, котрий теж зв'язан в минулому з Кубанню і навіть був в Кубанських військових частинах.

Обставини в Туреччині зараз ще не такі, щоб можна було розгорнути працю, як це треба було-б, але... й те, що робиться, дуже корисно для близького, налізмось, майбутнього...

Більш сильніші центри козацького об'єднання просяться надсилати для кубанців в Туреччині всіляку козацьку літературу по адресі: Turquie, Sstanbul, Bejoglu postanesi, posta Kulusi 224. (для Д. Хвилі). К. З.

От редакции.

Письмом редактору „В. К.“ Ф. К. Воропинов категорически протестует против того, что г. Шалвур Ниминов в своей статье „Что можно делать вольным казакам теперь же“, помещенной в номере 88-89 „В. К.“, использовал его, Воропинова, имя и мысли, изложенные им в своей статье „Ледоход“, для доказательности своих предложений.

Господин Воропинов совершенно не согласен с тем, что предлагает господин Ниминов.

Письмо в редакцию.

М. Г., господин Редактор!

Прошу не отказать в любезности поместить в Вашем уважаемом журнале, для сведения казаков, инте-

ресующихся журналом „Казачье Дело“, что я представительство его передал казаку Павлу Сергеевичу Полякову, к которому и надлежит обращаться за всеми справками и разъяснениями.

Борис Кундрюцков. (Белград).

В Казакии.

По советским газетам.

На хлебном фронте.

Главное место в сов. газетах — Ростовских и Краснодарских — все тот же хлебный вопрос: обмолот, хлебозаготовки, сдача хлеба, осенняя пахота и сев.

„К. З.“ 10 октября вещает: „Тревога нарастает! Затяжка в выполнении плана осеннего сева — прямая помощь кулаку“...

„К 20 октября сев в районе должен быть закончен“ — приказывает то же „К. З.“ 11 октября. „Работать в три смены! Установить персональную ответственность за обеспечение тракторных бригад водой и горючим“...

„М.“ 13 октября беспокоится: „Оставить пропашные в поле — значит потерять урожай!“ Оказывается, что „затянувшаяся уборка пропашных, особенно подсолнуха, грозит большими потерями урожая. Особенно тревожна последняя пятидневка“...

Там же „советуют“: „Не дать клещевине осыпаться. Только 10 районов полностью закончили уборку“...

„Счет вести на дни!“ приказывает „К. З.“ 14 октября, ибо: „осенний сев в Краснодарском районе развивается абсолютно неудовлетворительными темпами... Наметился и растет разрыв между пахотой и севом“...

15 октября в „К. З.“ читаем постановление бюро крайрайкома вкп (б.) от 13 октября 1931 г. о ходе сельхозкампаний в районе, откуда узнаем, что „ход хозяйственно-политических кампаний в районе проходит явно неудовлетворительно“... Например: „задание было 6657 гектаров, а посеяно 305 г.“ (т. е. всего 0,2%).

На транспортном фронте.

Из „М.“ от 13 октября узнаем, что: „железнодорожный транспорт, несмотря на огромнейшие задачи, которые стоят перед ним, и особенно по осенне-зимним перевозкам, — все еще продолжает оставаться наиболее узким местом народного хозяйства страны“...

Что делается на местах?

Приводим ниже несколько выдержек из корреспонденций и отчетов с мест из „М.“ от 8 и 13 октября для характеристики того, как и что делается „внизу“ сов. аппарата:

Вновь пытаются дискутировать.

Тарасовский район сильно затянул выполнение годового плана хлебозаготовок. Сроки, намечаемые краевыми организациями и районным комитетом партии давно прошли, но на 10 октября хлебозаготовительный план по всем секторам выполнен лишь на 80 проц. Самыми отстающими в районе являются стансоветы: Тарасовский, Мостовский, Еланский, Прогнойский, Чеботовский и Митяхинский.

В Мостовском сельсовете на заданный колхозником вопрос: „Когда наш сельсовет выполнит план хлебозаготовок“, предсельсовета Гарбушина ответила: „Трудно даже сказать, когда наш сельсовет выполнит план, мы вряд ли сумеем справиться“.

В сельсоветах Степановском, Еланском, Прогнойском и др. разгуливают, не встречая никакого отпора такие разговоры: „С хлебозаготовками пора кончать, мы уже выполнили все, что могли, надо и о себе подумать“.

Прямой оппортунистический саботаж.

Срыв сентябрьского плана хлебозаготовок по Кореновскому району объясняется не только тем, что ряд организаций еще не перестроился, чтобы в новых условиях по новому руководить, но и прямым оппортунистическим сопротивлением этой перестройке.

Одним из ярких проявлений такого оппортунистического сопротивления является пример руководства колхоза им. Сталина в Кореновском районе.

Этот колхоз, имея все объективные возможности быстро закончить хлебозаготовки, сентябрьский план хлебозаготовок выполнил лишь на 60 процентов, обмолотил подсолнух на 13 проц. и т. д. Это позорное отставание колхоза объясняется правооппортунистическим сопротивлением со стороны руководства колхоза (Золотов, Воробьев), а также засоренностью руководящего состава правления колхоза кулацким элементом (кулаки братья Котовы, кулак Жишулин).

Резкий скачок темпов вниз.

Славянские организации ослабили напряжение в борьбе за хлеб, за выполнение плана хлебозаготовок. Первая октябрьская пятидневка дала резкий скачок вниз: в сравнении с последней сентябрьской пятидневкой хлеба заготовлено в пять раз меньше. Решающие станицы — Джерелиевская и Славянская выполнили годовой план на 53,58 проц., а Полтавская, Ивановская, Петровская и Стеблиевская — еще меньше — 40,46 проц.

О том, как руководят местные организации хлебозаготовками свидетельствует, хотя бы тот факт, что в Джерелиевском колхозе имени Ленина правление даже не знало, что в первой бригаде в амбарах лежит более 400 центнеров хлеба. Оказалось, что „чья то рука“ направляла хлеб изпод молотилок по 9 амбарам. Учета хлеба нет. Один амбар совершенно не запирается.

Невнимательность к заготовкам, ослабление классовой бдительности приводит к тому, что на местах активизируются остатки кулачества, усиливая агитацию против вывоза хлеба на сыски. В Славянской убит активист, руководитель комсода по хлебозаготовкам красный партизан тов. Деревянченко.

Письмо с родины.

Из письма матери...

(С Терека).

Исполняю обещание — пишу то, что должны знать ты и все. Я рискую своею жизнью. Она мне не нужна, но дело в том, что раньше чем убить — мучить будут, а в газетах только и кричат о застенках заграничных. Мы все замучены, питания нет, едим челушу, над нами издеваются, мы окружены ложью. Все стонут, все ругаются, все клянут... „Кулачество“ ликвидировано „как класс“. Натравили на них середняков и бедняков... Бабы хвалились: „я колхозница!“ А теперь целые толпы гонят из колхозов в ГПУ (бывшая ЧК). „Чистят колхозы“, а люди просто голодают и стали просить хлеба, а их сылают, как бунтовщиков. Работай, видишь ли, и не смей пикать. Да! такого террора, такого насилия мир не видал. И что ужасно, никто за границей не знает всей правды, так как приезжают только коммунисты, которым втирают очки, развозят, закармливают, показывают все, что есть хорошего, да еще субсидируют, чтобы они агитировали заграницей. Даже в санаториях откармливают за наш счет больных рабочих германцев. Но служащие изнемогают, не получая жа-

лованья, благодаря вычитам на бесконечные займы в размере месячного жалованья, на пай в кооперативе, тоже в размере месячного жалованья (это не принудительно, а добровольно, а собственное желание такое, что если не подпишешься то — антисоветский элемент и при случае и места лишишься и угодишь чорту в зубы), на пригородное хозяйство, от которого ничего нет, также, как в кооперативах ничего нет... Затем вычиты идут на все, что только придумают — на оборону, на дирижабли, на строительство и т. д. И на службе платят и по жактам (это жилищное товарищество). Между прочим, вы ошибаетесь, говоря, что у нас нет собственных квартир. Собственности нет, но квартиры даны „жактам“. Вот тут „социальный подход“, т. е. хорошие квартиры коммунистам и пролетариям, но „бывшие люди“ живут в ужасных условиях... Все у нас шыворот навыворот...

Люди развращены умышленно, даже дети, начиная со школы, приучаются следить друг за другом и доносить. Это какой-то ужас. Дети у нас не слышат слов: „это не хорошо, не сплетничай на товарища“, а наоборот. Дети развращены нравственно и физически.

Решающий год пятилетки. Да, пятилетка! Кто ее дотянет? А хлеб 3 рубля за кило, масло 6, 7, 8 рублей за фунт. Мяса совсем не едим, а кто-то ест. Ветчина в кооперативах, в инвалидных артелях — 25 рублей кило. Куры штука 8-10 рублей и т. д. Сахар иногда пускают по 3 рубля кило, а так его совсем нет. Сыра нет, редко бывает, очень дорого. Чая нет, иногда продают брусничный, а ведь у нас свой Чаквинский Багумский. Тоже сплавляют „экспорт“. Мы не видим крупы, у нас нет макарон, рису не видим уже три года, только едим картошку да фасоль... Счастливыцы, получающие громадные деньги — едят, а другие облизываются. Вот Тебе и социализм! Все вывозится, и сестное и товары, все, все. Жители одни распродают, потому что жалованья не хватает, другие покупают, так как товаров в кооперативах нет, а если что промелькнет, то раздают по несколько штук по учреждениям. Одним

словом, под шумок платят долги и откупаются, но об этом не говорят и не пишут и не смеет никто говорить. Деньги гребут, задушили всех поборами и налогами и все в прорву, все на пропаганду, на эту бесконечную свору, которая содержится по всему миру. Помните, что вокруг всех вас посланные отсюда — шпионы.

На принудительных работах, на „лесозаготовках“ ужасы: люди голодные, не одетые, работой изнуряют, мучают; люди от отчаяния рубят себе руки или ноги, а этот негодяй Максим Горький подделывается, лжет и и здесь, когда приезжает и за границей писал, что в Соловках, „как в санатории“. Мерзавец! Его бы надо в такую санаторию.

Все надеются, что их придут спасать...

В і д о з в а.

До редакції журналу „Вільне Козацтво“.

В. Ш. п. Редакторе!

Ласкаво прошу не відмовити помістити у Вашому шановному журналі оцю мою відозву до моїх земляків-українців на еміграції.

Дуже часто до мене звертаються різні наші організації з проханням про допомогу, як-то на українську пресу, студентів й на інші гуманітарні цілі. По можливості намагаюсь їх прохання задовольнити.

Отже мої милі земляки! Мою адресу й фах знаєте, бо-ж я одержую від Вас всі відозви про допомогу на адресу друкарні, в якій я працюю. Але праці від Вас не дістаю бо Ви її, переплачуючи багато дорожче, віддаєте до чужинця...

Нас у друкарні Фішера працює троє українців, з яких один вже звільнений, а два другі, більший час сидять без праці.

Отже з цього ясно: коли ми будемо мати більше праці, то й допомогти зможемо більше Вам. „Свій до свого“ нехай надалі буде Вам альфою та омегою, бо ті друкарні, куди Ви віддаєте великі гроші Вам нічим не допоможуть. Українцеві допоможе тільки українець. Подивіться хто там працює та подумайте, кого Ви матеріально підтримуєте! Коли хочете жити самі, допоможіть-же жити в першу чергу своєму-ж. Лише солідарність може скріпити наші сили.

З пошаною до Вас Степан Туркот.
Praha-Strašnice č. 289, knihtiskárna A. Fišera.

„Кубанская Старина и. Современность“.

Историко-литературный сборник.

Издатель: Правление Кубанской
станции и кассы взаимопомощи
в Париже.

Склад издания: M-eur GLADKOFF,
1, rue Lourmel, Paris (15).

Цена: 5 франков.

Подписная цена на журнал „В. К.“ на 1932 год будет
изменена.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

В следующем номере будут об'явлены новые
 условия подписки на наш журнал на 1932 год.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchecoslovaquie.
 Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Казачи!

Подписывайтесь на свой журнал
„Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.